

An oil painting of a woman's face in profile, looking to the left. The style is expressive with visible brushstrokes. The background is a mix of blue and grey tones. The woman has dark hair and is wearing a dark top. The lighting is soft, highlighting the contours of her face.

*Вера
Бен*

Марина

Женщина,

которая считала себя

правильной

18+

Вера Бен Марина. Женщина, которая считала себя правильной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70366021

SelfPub; 2024

Аннотация

Можно ли изменить свою жизнь на пороге сорокалетия? Марина привычно несчастна в своем браке, что длится почти половину ее жизни, пытается наладить отношения с дочерью-подростком и вспоминает амбиции молодости. Рутинная жизнь Марины меняется, когда она устраивается на работу учительницей начальных классов. Постоянно находясь перед выбором – поступить правильно или как хочется, – Марина ловит за хвост самые дерзкие мечты своей юности. Обретая новых друзей, встречая злопыхателей, Марина проделывает путь от домохозяйки до владелицы бизнеса. Но чего ей стоил этот путь? И что именно придется принести в жертву, чтобы остаться «правильной»?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

123

Вера Бен

Марина. Женщина, которая считала себя правильной

Снег ровно падал с неба, ложась под ноги скрипучим ковром. Таким, из которого получают самые крепкие снеговики. И который украшает пушистые женские волосы. Две девушки, смеясь, пытались слепить снеговика.

– Гляди, курсанты! – крикнула одна из них подруге, – симпатичные! Открываем прицельный огонь по жертвам нашей красоты!

Ровные шарики снега полетели в трех юношей, шедших мимо. Большинство снарядов промазали, но один-таки достиг цели.

– Эй! – высокий молодой человек остановился, чтобы вытряхнуть липкий снег из-за воротника, – парни, а мы в засаду попали! Незамедлительно переходим в контратаку!

Юноши бросились врассыпную, пригнув спины и загребая снег. У девушек было мало шансов выдержать снежную атаку, не поплатившись размазанной по щекам тушью.

– Товарищи! Мы готовы поднять белый флаг и капитулировать! В надежде на ваше благородство и соблюдение уважения к пленным! – раскрасневшаяся Марина, улыбаясь, подняла руки. Снег искрился в ее каштановых волосах, гла-

за сияли зеленым огнем. Девушка чувствовала, что все трое курсантов сейчас от нее без ума. Оставалось только выбрать.

– Пленницы должны представиться! Назвать имя, отчество и фамилию, – чуть склонив голову сказал юноша, до этого отдавший друзьям команду о контратаке.

– Аделаида Кузьминична Митрополитова, – выпалила Марина. Ее подруга засмеялась в кулачок.

– Аделаида Кузьминична, какими судьбами в наших краях? Путешествовать изволите? – чуть кланяясь, спросил все тот же молодой человек. Остальные стояли рядом и, посмеиваясь, слушали разговор.

– Ничуть. Я выросла в этих краях. А вот родного края не ведаю: похищена была ростовщиками, но отбили меня товарищи красноармейцы.

– Да что Вы говорите, Аделаида Кузьминична! – засмеялся юноша, – великолепно выглядите! По Вам и не скажешь, что Вы успели застать храбрых красноармейцев! В каком же году Вы изволили осчастливить этот мир своим появлением?

– А Вы знаете, что подобные вопросы барышням задавать неприлично? – Марина смекнула, что дала повод высокому красавцу посмеяться над своим невежеством, и решила изменить тему, – а Вы даже не соизволили представиться!

– О, каюсь! Иван Дмитриевич Остожин, а это – мои верные друзья и соратники: Сергей Крапивин и Юрий Скороходько.

– Я – Нина, – подруга Марины улыбнулась и протяну-

ла к пожатию маленькую ладошку. Сергей и Юрий растерялись. Чтобы не создавать неловкости, Иван подскочил к невысокой Нине, уверенно повернул ее ладонь и, склонившись, изобразил галантный поцелуй. Глаза Нины округлились: непривыкшая к подобным проявлениям, девушка густо покраснела и поспешила одернуть руку, спрятав ее в карман. Марина метнула недовольный взгляд на Ивана – она выбрала его и уступить «трофей» подруге не планировала.

– Так, товарищи! – звонко сказала Марина, – не пора ли вам плененных напоить чаем?

– Ох, ну конечно, Аделаида... как там Вас... запомнил, по батюшке, – Иван предложил Марине опереться на его руку.

– Кузьминична я, – смеясь, ответила Марина и взяла Ивана под руку.

Нина оказалась меж Сергеем и Юрием и, спрятав руки в карманы, молча шла.

Через полчаса компания сидела за столиком, грея руки о чашки с чаем.

Нина с обожанием бросала взгляды на Ивана, который вел оживленную беседу с Мариной.

– Так скажите, Аделаида, – Иван понизил голос, – я ведь же могу Вас называть просто Аделаидой?

Марина закатила глаза.

– Как имеют честь называть Вас обычные миряне? – продолжал Иван.

– Вот, Аделаидой и имеют честь, – Марина приподняла бровь и сделала глоток чаю.

– Тогда, может, Вы, Нина, раскроете нам тайну мирского имени Аделаиды, – Иван с улыбкой повернулся к Нине. Де-вушка опустила пушистые ресницы и улыбнулась:

– Думаю, она сама скажет, когда захочет.

Возникла пауза, порожденная этим простым ответом, и Нина почувствовала, как искры флирта, созданные ее подружкой, стали стремительно таять. Поэтому, набрав воздуха, тихо, но смело добавила:

– Ну, или вы можете применить пытки.

– Огооо, – в один голос протянули трое ребят.

– Да Вы, Нина, темная лошадка, – засмеялся Юрий.

– Больше похожа на светлую, – заметила Марина, глядя на подругу блондинку.

– Главное не то, что снаружи, а то, что внутри, – сказал Сергей.

– Да ну, – усмехнулась Марина, – а разве не является внешнее отражением внутреннего? Это лишь у Дориана Грея все внешнее было спрятано в портрете, а у обычных людей вся их жизнь на лице!

– Для Вашего возраста, Ангелина, это очень смелое заявление, – улыбнулся Иван, – Вас ведь еще красноармейцы маленькую от ростовщиков спасали! По Вам и не скажешь, что у Вас такая богатая история.

Марина открыла было рот – колкость уже отчаянно фор-

мировалась в голове и уже была готова сорваться с языка, но Нина перебила ее тихим голосом:

– Ваня, а почему Вы так шутите про возраст М... про возраст и красноармейцев? Они что, уже распались, да?

Иван ответил не сразу, он смотрел на Нину. Услышав «Ваня» из ее уст, он переменялся, прежний задор куда-то улетучился. Остался лишь его пристальный взгляд в синие глаза белокурой девушки.

– Распались Битлз, – сказал Сергей, – а Красная Армия стала Советской армией уже в 1946 году.

– М, спасибо, крайне познавательно, – нервно улыбнулась Марина Сергею и перевела взгляд, – нам пора, Нина!

– Да, ты права, – улыбнулась белокурая девушка и стала суетливо шарить на стуле, собираясь надеть пальто.

– Кавалер поможет даме, – Иван грациозно подхватил пальто и раскрыл его перед Ниной. Девушка опустила лицо, пряча пылающие щеки, и повернулась спиной к Ивану. Со второго раза она попала в рукава. Марина гневно отвернулась, посмотрев на Сергея с Юрием. Ее властный взгляд красноречиво указал на шубу. Юноши вдвоем кинулись к стулу Марины, столкнулись. Юрий отступил, и Сергей собрал мех, неловко расправив его перед Мариной. Девушка, грациозно присев, облачилась в шубу.

Выйдя на улицу, Иван повернулся к Марине:

– Так как я все еще не узнал Вашего настоящего имени, Ангелина... ой, простите, Аделаида! Хотя Вы и на Ангелину

неплохо отзываемся. Предлагаю еще раз встретиться нашей дружной компанией.

Марина довольно улыбнулась:

– Может быть.

– Может быть, Вы дадите свой номер телефона, чтобы мы могли договориться о встрече?

– Телефон есть у Нины, я им не пользуюсь, – пожала плечами Марина.

Скрежетнув зубами, Марина смотрела, как Иван записывает в блокнот номер Нины и договаривается о времени звонка. Марина выбрала Ивана себе. И совсем не хотела отдавать его подруге. «Ишь ты, назвала его Ваней, и он растаял! Тоже мне! Так любая может! А острый язык? А темперамент? Вот, что главное! Вот, что должно цеплять настоящего мужчину!» – кусала Марина губы по пути домой.

С той секунды, что снежок попал в шею Ивана, Сергей смотрел на Марину с нескрываемым восхищением.

Двадцать лет спустя.

Мужчина средних лет суетился в тесной прихожей. Он то и дело наклонялся, демонстрируя зародившуюся лысину.

– Я поехал, – было непонятно, хочет ли мужчина, чтобы его слышали.

– Куда? – в прихожей появилась женщина. Она прислонилась к стене и скрестила руки на груди.

– Ремонт вообще-то делать! В нашей новой квартире. Ты ведь, как обычно, не поедешь?

– Вообще-то я должна за нашей дочерью следить! У нас помимо твоей квартиры есть дочь, если ты не помнишь!

– Ладно. Я понял. Я уехал.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю, – мужчина уже открыл дверь.

– Сергей! Ну, хоть сегодня?

– Не знаю, – чуть мягче сказал он, – скорее всего, останусь ночевать там. Такси дорого, а закончу поздно. Я один все делаю.

Марина провела рукой по волосам, наспех собранным в хвостик, и посмотрела, как закрылась дверь. Она бросила взгляд на отражение в зеркале – пора краситься: блеклые, подернутые сединой волосы отрасли уже на два пальца. Марина приняла эту малоинтересную мысль к сведению и направилась к кухне.

Испытывала ли она грусть? Отчаяние? Тоску? Тревогу? И да, и нет. Они замужем вот уже 20 лет. И у них есть дочь. Ей через месяц с небольшим уже будет шестнадцать. Всю свою жизнь Марина посвятила дочери. Стараясь быть идеальной матерью, водила девочку в школу, на занятия танцами, пением. Помогала участвовать в конкурсах, поддерживала. Ходила на все родительские собрания, не пропустила ни одного концерта, была председателем оргкомитета класса.

Она считала себя образцовой матерью. А вот о своем муже она подобного сказать не могла. Образцовый отец? Смешно! Второй ребенок, скорее. Постоянно отсутствующий. Работа, работа, работа. Все остальное – на втором, если не на третьем плане! За все годы он пришел к дочери на концерт лишь однажды. Лишь раз он увидел достижения дочери. Как она поет, как танцует. А ведь все это – и ее, Марины, заслуга! Отвести в школу, приготовить обед, прибраться, встретить и привести дочь домой. Накормить. Посмотреть, что задано из уроков. Сесть рядом с ней, помочь сделать хоть что-то до выхода. И снова одеваться, снова выходить на занятия. А ведь они шесть раз в неделю! Отвести, даже если она не хочет. Ох, уж эти подростки. Вечно какие-то проблемы у них между собой. Чуть что – и ребенок готов бросить многолетний труд. Из-за косого взгляда или двусмысленной фразы подруги. Все это надо обсудить, уговорить продолжать занятия. Потом сорок минут пешком по центру города. Всегда заманчиво звучит, а на деле вечная нехватка времени треплет нервы и мешает насладиться прогулкой. Затем домой. И дальше делать уроки. Допоздна. Что не успела дочь, доделает Марина. Она мастерски умеет менять почерк, поэтому письменные предметы легко можно сделать и самой. Дочь должна выспаться. Все-таки девочка отличница – хочется, чтобы у нее была золотая медаль. Но с такой нагрузкой – танцевальные тренировки, репетиции в студии пения – самой девчонке не осилить. Марина понимала, что лишь она может помочь доче-

ри преодолеть все жизненные сложности. Так, чтобы девочка гордо смотрела победителем.

С такими мыслями Марина пошла в ванну: сегодня воскресенье, а значит, день стирки и уборки. В остальные дни ей некогда заниматься хозяйством, а помощи от мужа в этом деле ей просить даже в голову не приходило. Марина ненавидела дела по дому! А особенно – мытье посуды. «Пусть полежит до воскресенья», – говорила она, начиная с понедельника, складывая тарелки в кухонную раковину, а ближе к среде нагружая ими все остальные плоскости. В воскресенье наступал «банный день», когда горы грязной посуды постепенно скудели: тарелки, миски и приборы, блестя и сверкая, отправлялись по своим местам в шкафах. Последние месяцы у Марины не было такой занятости, как годы до этого, но привычка брала свое. Домашние дела традиционно ждали воскресенья.

Сейчас, перебивая посуду, Марина в который раз уносила в мечтах в свое прошлое, в молодость. Вспоминала, как познакомилась с Сергеем. В мягкий зимний день они с подругой Ниной, скромной тихоней, полной противоположностью яркой Марины, пошли гулять – конечно же, туда, где водятся молодые офицеры: выйти замуж за военного было детской мечтой Марины. Будучи совсем юной девушкой, она рисовала себе все тяготы и невзгоды, проведенные вместе с молодым мужем в гарнизонах. Он, конечно же, будет умным, обходительным. Быстро продвинется по службе. И вот, она

уже жена полковника. Сопровождает его на всяческие приемы, сияет среди жен высокопоставленных чиновников. Еще немного, и ее муж – генерал. А она, разумеется, всегда за ним, за его спиной. Самый надежный его тыл. Он ее обожает.

Марина саркастично хмыкнула навстречу своим мыслям. Мечта выйти замуж за военного сбылась. И даже гарнизоны были. И тяготы тоже. И невзгоды. Только это все были *ее* тяготы и невзгоды. Сергей вроде был рядом. Но в то же время она чувствовала себя одинокой.

Марина взяла пучок вилок и начала из задумчиво намыливать.

«Где же я ошиблась», – в который раз задала себе вопрос она.

Снова мысли перенесли ее в те зимние дни.

Как ни пыталась Марина быть у Нины дома в назначенное для звонка время – ничего не вышло. Словно злой рок ее преследовали неудачи: заболела бабушка, и ей пришлось просидеть (будто на крупных острых иглах) у постели больной. Когда встреча все же состоялась (Юрий ожидаемо на нее не пришел), Марина во что бы то ни стало пыталась покорить Ивана своим остроумием, эрудицией и темпераментом. Но лишь Марине начинало казаться, что она достигает цели – Нина либо произносила «Ваня», либо просто улыбалась, и Марина с ужасом наблюдала, как Иван тает перед

этой маленькой блондинкой. А с Мариной лишь оттачивает технику саркастичной перепалки.

Зато Сергей (хоть и не отличался пылким темпераментом) смотрел на Марину с обожанием, и она изредка давала ему некоторые авансы, чтобы подпитать восхищение молодого мужчины. Марина не оставляла надежды завладеть, а точнее (как она сама себе говорила) *вернуть* себе Ивана. Ведь изначально именно *она* попала в него снежком.

Однако, время шло, Нина и Иван все больше сближались. Сергей, вечно приходящий на встречи с Иваном, стал уже каким-то родным. Когда стало ясно, что Иван без ума от Нины, Марина решила присмотреться к Сергею. Курсант. Будущий военный – все, как мечталось. Видно, что влюблен. Плюс (чего нельзя сказать об Иване) отец Сергея высокопоставленный военный. Пытливый ум Марины рассчитал, что Сергей – самая выгодная партия. И Марина решила, что выйдет замуж за Сергея.

Марина очнулась от понимания, что моет последнюю тарелку уже минут десять. Раздраженно закрыв воду, она поставила посуду на полку и постаралась отмахнуться от воспоминаний. Но мысли все же пронеслись по верхушкам поблекших образов прошлого: закончилась зима, пронеслась весна, цвело лето. Нина уже носила на пальце обручальное кольцо. Ее Ваня души не чал в своей «малютке Ниночке» и рядом с девушкой превращался, по его собственным словам, в мурчащего счастливого кота. Нина же расцвела: синие

глаза сияли, улыбка не сходила с милого лица, искренний смех звенел серебром, заражая окружающих. Марина давно смирилась с их свадьбой, даже взяла на себя роль ведущего на скромном банкете. В душе ее раздражало лишь то, что какая-то там Нинка уже выскочила замуж за военного, а она, Марина, звезда школы, королева курса – все еще нет. Как же нетерпелось уже надеть белое платье и утереть оставшимся незамужним подругам нос, продемонстрировав им мужа «без пяти минут лейтенанта». Потомственного военного с блестящими перспективами.

Марина, погруженная в воспоминания, споткнулась о порожек в ванной комнате. Все еще в задумчивости, начала рассортировывать вещи для стирки. «Подумать только, ведь если бы я не нажала, Сергей бы не сделал мне предложения. Может, стоило оставить его в покое? Да, Ваня сейчас красив и богат, Нинка до сих пор в нем души не чает. Ну, по крайней мере так говорит. А Сергей палец о палец не ударит. Но у нас дочь. Ради ребенка я должна быть с ним. И какой бы он ни был – я его выбрала тогда. А потому я буду век ему верна. Буду с ним. Это мой долг. Перед дочерью. И перед собой. И это *правильно*».

На этих словах Марина решительно захлопнула крышку стиральной машинки.

– Мам, ты со стиралкой споришь? У нее нет шансов, она в курсе? – в дверях показалась высокая девушка. Розовые брюки, черная футболка и рыжие волосы. – Я к себе.

– Папа уехал в квартиру делать ремонт! – крикнула Марина вслед дочери, – не хочешь к нему съездить, помочь?

– Неа! – раздалось из глубины квартиры

– Мы пойдем на репетицию в понедельник? У вас там на танцах собирают всех «стареньких» и собираются ставить спектакль! – Марина встала.

– Мам! У меня каникулы! Мы ведь договорились! Я хочу отдохнуть! Хочу наконец гулять ходить. Одна! А не с мамой за ручку.

– Ты можешь одна ходить на репетиции, – у Марины замерло сердце. Она не верила, что предложила это дочери. Все эти годы они ходили на репетиции вместе. Марина считала, что это ее долг и обеспечивает безопасность девушки, – конечно, забирать тебя буду я, ведь вечером темно...

– Мам! Сейчас лето. Вечером светло!

Марина молчала. Когда дочь заявила ей, что хочет на каникулы сделать перерыв во всех занятиях, Марина списала это на усталость. Она понимала, что дочь окончила десятый класс, впереди последний год в школе, надо выбрать курсы подготовки для поступления в университет... Но никак не понимала желания дочери ходить болтаться по улицам. С подругой Светой. Немного ясности пролил подслушанный телефонный разговор, из которого выяснилось, что девушки ходят чуть ли не на свидания к каким-то охранникам! Разразился скандал, был привлечен Сергей. Дочь на 2 недели оказалась под домашним арестом.

– Как я понимаю, разговор окончен, – сверкнули рыжие волосы, и Марина увидела спину дочери.

Сергей был категорически против прогулок Алисы без сопровождения. Если только по утрам. Но после почти двух месяцев непрерывных женских криков было решено разрешить девочке ходить гулять с подругами по выходным. До восьми часов вечера. Хотя бы минута опоздания каралась запретом прогулки на следующий день.

С середины весны прекратилось посещение всех кружков. Сначала по причине недомогания, а потом и вовсе из-за «не хочу».

Марине было тяжело переживать это. Она не понимала, зачем теперь нужна. До совершеннолетия дочери оставалось без малого два года, а девочка уже пыталась продемонстрировать свою автономность. Но Марина и Сергей считали, что обязаны защитить дочь и от зла окружающего мира, и от собственных неконтролируемых желаний.

Год назад родители Сергея купили ему квартиру. Сейчас семья жила в служебной однушке, расположенной в центре города. Марина понимала, что дочери давно нужна своя комната, а не отгороженная шкафом каморка. Однако, радости от предстоящего переезда не испытывала. Как и от постоянных поездок Сергея в квартиру для вялотекущего ремонта.

Впрочем, как и от самого Сергея. Да, двадцать лет назад он ею восхищался. Она это видела и считала, что так и долж-

но быть. В конце концов, это Марина позволила ему быть с нею. А он? Привык. Просто привык к ней. Уже вынашивая ребенка, Марина отмечала отсутствие блеска в глазах мужа. После родов пришлось тяжело: девочка часто болела, Марине приходилось месяцами лежать с ней в больницах. Она взяла академический отпуск в университете. Наконец, через полтора года молодые родители решили отвезти малышку родителям Сергея, а Марина восстановилась в университете, чтобы закончить учебу. Девочка росла с бабушкой, и когда ей исполнилось четыре, Марина с Сергеем забрали дочь к себе насовсем.

Марина вытащила пылесос. Воткнув шнур в розетку, она вспомнила, как Сергей подбегал к ней к беременной, выхватывал шнур и сам втыкал вилку, наклоняясь к низкой розетке. «Лучше бы он у меня пылесос выхватывал», – отмахнулась от воспоминания Марина. Еще не нажав на кнопку «старт», Марина облокотилась на длинную трубу: «а была ли я счастлива с ним? Вот так, чтоб голова кругом? Как я всегда хотела? Наверное тогда перед тем, как Алиску от бабушки забрать. После того, как я диплом получила, когда он меня приревновал к однокласснику. Вот, тогда были несколько месяцев, когда он снова на меня с обожанием смотрел, делал, что я скажу. Да. Тогда мне было с ним хорошо! Но вернулась Алиса, и он очень скоро понял, что все. Никуда я больше от его не денусь. Перестал меня ценить. Был бы он с Ванькиным характером – чтоб можно было пререкаться це-

лыми днями. Но так, интеллектуально. Чтоб я его покоряла. А тут и покорять нечего. Пришел, лег на диван – и в телевизор. Ему и покорился».

Марина включила пылесос.

Дни сменяли друг друга в тягучей тоске, утекали сквозь пальцы, не принося радости или любых иных сильных эмоций. Марина отмеряла время лишь значимыми вехами. И одна из них была на подходе.

– Надо купить Алисе подарок на день рождения, – Марина скрестила руки на груди, готовясь к спору с Сергеем. Мужчина молча кивнул.

– Она хочет новый телефон, – с нажимом сказала Марина.

– А со старым-то что не так? – Сергей потянулся к холодильнику, – я поменял батареи в квартире. Знаешь, сколько это стоило? А весной окна. Все стеклопакеты новые. Беленькие такие.

– Сергей! Хватит мне про свою квартиру! Ты меня слышишь?

– Да, взять Алису и пойти ей за телефоном. Только на что я ей его покупать буду...

– Ой! Как же мне надоело твое нытье! – Марина вышла из кухни, достала книгу и устроилась на диване.

Чтение не шло. Мир Марины шатался. До руин еще было далеко, но трещины женщина наблюдала приличные. Алиса

бросила кружки. С сентября надо было оплачивать курсы по подготовке к ЕГЭ. Сейчас вот приходится просить Сергея купить подарок дочери. Просить. Просить. Сколько можно?! Как бы ей самой хотелось зарабатывать! Да, она никогда в жизни не работала. Но все же когда-то она окончила педагогический ВУЗ. И потом, что значит не работала? Еще как работала! Она занималась дочерью и помогала в организации сотни концертов! В Марине закипала решимость. Спина стала ровной, глаза загорелись. Книга захлопнулась. Женщина поняла, что сейчас она способна изменить такую привычную, но вдруг показавшуюся такой пустой жизнь.

Марина решительно встала с дивана.

Она глубоко вздохнула и закрыла глаза. Представила, как ходит на работу: утром делает макияж, выбирает подходящий наряд, едет на работу. «Я всю жизнь рядом с детьми, и не только с Алисой! Я педагог по образованию! Я буду работать с детьми и получать за это зарплату!»

Сердце Марины учащенно забилося от предвкушения новой главы ее жизни.

– Я устраиваюсь на работу, – заявила она Сергею, жуящему бутерброд перед маленьким кухонным телевизором. Мужчина перевел взгляд на жену:

– Чего?

– Я устраиваюсь на работу! – повторила Марина.

– Куда? – Сергей перестал жевать.

– В школу!

– В Алискину что ли?

– Может, и в Алисину. Посмотрим!

– То есть ты еще не знаешь?

– Ну, конечно, я еще не знаю, в какую именно! Я решение приняла 10 минут назад!

– А. Понятно, – Сергей хмыкнул и снова уставился в телевизор.

– Что тебе понятно? – Марина села за стол.

– Что ты решила пойти на работу, – не отрываясь от просмотра, ответил Сергей.

– Тебе все равно? Как обычно! Как меня это бесит! Нам надо многое обсудить! Многое поменяется, когда я стану работать!

– Да не будешь ты работать, – Сергей перевел взгляд на Марину, – тебе почти сорок, и раньше желания я не видел! И я не совсем понимаю, кто будет за Алисой следить, пока ты будешь работать.

– Если я буду работать в школе, то она сама там же будет во время моего рабочего дня!

– Ну понятно. Ладно. Я понял.

– Да что понял-то? Ты можешь по-человечески разговаривать?

– Чего тебе надо? – Сергей взглянул на Марину.

– Чтобы ты со мной поговорил! Я задолбалась, что ты вечно показываешь, что я тебе не интересна! Если мы с тобой и разговариваем, то о твоей работе и о Семенчикове. Все! Я

другой жизни не знаю! Я сама-то тебе интересна?

– Ууу, началось, – Сергей закатил глаза.

– Да что началось?! – Марина вскочила из-за стола, – я тебе зачем вообще нужна? Чтоб пожрать приготовить, да обстирать тебя?

– Все, я поехал в квартиру, – Сергей поднялся со стула.

– Никуда ты не поедешь, пока мы не поговорим! – властным голосом сказала Марина.

– Да не ори ты! Дочь дома!

– Она у себя в своих наушниках, не слышит ничего! Рот мне не затыкай! Иди к своим бабам и им затыкай!

– Каким бабам?

– Думаешь, я не понимаю, зачем ты в квартиру все выходные едешь?

– Чего? Я вообще-то тебя с собой постоянно зову!

– Ты прекрасно знаешь, что я с тобой не поеду! Ремонт он делает! Мы здесь почти десять лет живем и как въехали, так ничего, НИЧЕГО ты тут не поменял! Десять лет! Кухня вся в жиру, все отваливается! Диван весь в дырах! Палец о палец не ударил! А тут – поглядите, какое рвение!

– Потому что тут – не мое, а там – мое!

– Да какое твое? – нервно засмеялась Марина, – родители тебе как дали, так и назад возьмут! Твое – это то, что тебе государство обещало в собственность дать, но что-то не видно ничего. Ванька с Ниной еще восемь лет назад получили. Уже еще одну купить успели! Твоим всем однокурсникам уже да-

ли! Тебе только все никак не могут!

– Там все непросто...

– Да знаю я, что там непростого! Просто надо подсуетиться вовремя! А ты, тюфяк, не можешь!

– Я – тюфяк, я понял, – Сергей направился к выходу из кухни.

– Сидеть! Я сказала! – закричала Марина, – сначала мы обсудим, как будем жить, когда начну работать, как будем следить за Алисой. Убираться и готовить теперь тоже будем вдвоем. Или ты думаешь, что я как лошадь Пржевальского буду и работать, и продолжать всех тут обслуживать, а в твоей жизни ничего не изменится?

Марина продолжала сыпать вопросами, больше похожими на обвинения за накопленные годами обиды, Сергей же безучастно стоял, облокотившись на дверной косяк, и смотрел в сторону телевизора.

Спор перерастал в горячую ссору и грозился стать одной из тех, когда Марина искренне желала подать на развод и уехать в другой город к своей бабушке. Отца Марина не знала, мать похоронила несколько лет назад. Желание все бросить и сбежать возникало у нее не чаще раза в год, да и так словами и оставалось. Однако, антураж семейных скандалов оформлялся с размахом: билась посуда, Алиса ставилась перед выбором, с кем из родителей оставаться. Девочку поначалу пугал этот выбор, но она искренне заставляла себя начать размышлять: либо проститься со всеми друзьями и

концертами, либо – остаться с отцом, которого она видела редко, а если и видела, то сильной любви к нему не испытывала. Со временем Алиса перестала реагировать на родительские скандалы и старалась абстрагироваться от них.

Сергей тоже относился к редким вспышкам меланхолично, зная, что далее слов Марина не уедет.

Нынешний же спор мало, чем отличался от предыдущих, поэтому слушал мужчина вполуха и дальнейшие вопросы жены игнорировал не нарочно, а просто потому, что мысли его занимали обои: клеить их самому с Семенчиковым (придется ему немного заплатить или можно ограничиться совместной попойкой?) или все же нанять бригаду?

– Ты ответишь когда-нибудь? Ааа, да ты меня просто даже не слушаешь! Конечно! А зачем? Кто я такая для тебя? – прорвался в сознание Сергея голос Марины, – я уйду от тебя! Уеду! К бабушке! Ей-то я нужна! Она единственная меня любит!

– Каждый год уезжаешь. Все не уедешь никак, – Сергей отвлекся от мыслей про обои и тоже повысил голос.

– А вот в это раз уеду! Увидишь!

– Ты разберись, что делать собралась: уезжать или на работу идти.

– Уеду и там на работу пойду! Там у меня есть все! Близкий человек! Поистине близкий, а не такой козел как ты!

– Ну и вали! – скрежетнул зубами Сергей, протиснулся между Мариной и стеной, вышел в крохотную прихожую,

обулся и ушел, хлопнув дверью.

Марина подскочила к двери, открыла ее и крикнула вслед:

– Козел!

Через час в маленькой квартирке творился бардак. Марина достала с антресолей два своих стареньких чемодана и паковала вещи.

– Мам, чего делаешь? – Алиса стояла перед чемоданами.

– Ух ты, заметила! – развела руками Марина, – а я думала, ты не оторвешься от своих игр компьютерных! Вещи собираю, сейчас пойду схожу на вокзал за билетом.

– А куда билет?

– К бабушке.

– Мне что, тоже надо ехать?

– На твой выбор, – Марина без разбору кидала в чемоданы вещи.

– Я бы не хотела...

– Ты не понимаешь? – Марина застыла с брюками в руках, – я уезжаю навсегда! А тебе надо решить, с кем ты остаешься!

– А, опять, – девушка развернулась и скрылась за шкафом.

Спустя несколько минут рыжие волосы снова показались из-за шкафа:

– Ммм, маам, я хотела со Светой встретиться...

– Да ты что? То есть мать уезжает, а ты на гулянку?

– Ладно, я поняла. Извини.

Марина прислушалась. Из-за шкафа донеслись обрывки шепота «поссорились», «не могу». Вещи чаще полетели в чемоданы. Марина злилась: «Когда она стала такой бездушной? Другая дочь подошла бы, обняла мать, поговорила. А эта ушла опять в игры играть, да с подругами болтать».

Марина вспомнила выписку из роддома. Она уже придумала имя для девочки. Алиса. Как у Кэррола. Обязательно будет в ее жизни белый кролик, который приведет Алису в чудесную страну. А Сергей, увидев дочь, сказал: «Ну какая это Алиса?! Люся это». Так всю жизнь ее и называл. Люся. Год назад только перестал. Когда Алиса ему скандал закатила.

Марина захлопнула чемоданы и крикнула в сторону шкафа:

– Я ушла на вокзал!

Алиса выглянула и кивнула.

Марина захлопнула дверь.

Бредя в суете вокзала, Марина была словно в тумане. Женщина чувствовала себя потерянной. Изредка она поднимала глаза и вглядывалась в лица похожих. Как хотелось увидеть глаза, которые ее понимают. Которые пожалеют, для которых она будет особенной и желанной. Но Марина видела лишь озабоченные лица и холодные, расчетливые взгляды.

Женщина опустила на скамейку и достала телефон. Междугородние звонки недешевы, но сейчас ей это необходимо.

Гудок, один, второй. Марина точно знала, что бабушка ответит: пожилая женщина не выходила из дома.

– Слушаю, – донеслось из трубки.

– Привет, – выдохнула Марина.

– Мариша! Здравствуй! Как ты? Давно как не звонила мне!

– Да, три дня уже!

– Хорошо, что позвонила! Ко мне тут приходили из соцслужбы, и я рассказывала про тебя. Там новая девчужка, такая хорошенькая...

– Бабушка, погоди. Я хочу приехать!

– О, как здорово! Ты, как обычно, с Алисой или Сергей-то все-таки тоже приедет?

– Я одна хочу приехать.

– Это как же так? А Алиса? Что случилось?

– Бабушка, они меня не ценят совсем! Я им не нужна! Алиса то за компьютером, то с подругами, А Сергей все в своем ремонте!

– Из-за этой квартиры вы отделились друг от друга! Послушай меня, старую женщину! Негоже тебе мужа терять или от него сбегать! Ты, конечно, можешь приехать, но ненадолго. Проучить его. Чтоб ценить начал.

– Я хочу начать новую жизнь!

– А эту куда денешь? У тебя Алиса!

– Алиса уже большая!

– В 15 лет? Что с ней будет без тебя? В подоле принесет! И что ты с этим делать будешь? Слушай меня! Если уж хочешь приезжать, бери Алису и приезжайте вдвоем. Разместимся. Будем втроем жить. Но Алису Сергею не отдавай!

– Но...

– Без но. Можешь одна на пару дней приехать, но жить без Алисы я тебе запрещаю. Ты сначала обязана ее выдать замуж, а потом без нее жить. Поняла меня?

Марина обхватила голову руками. До Алисиного совершеннолетия еще два года, потом институт. «Когда же я свободна-то буду», – Марина запрокинула голову.

Куда идти? В опостылевший дом возвращаться не хотелось. Поехать к Сергею в квартиру? Зачем?

Марина встала, прошлась по залу вокзала. Вернулась к скамейке и снова села. Она потеряла счет времени, глядя в одну точку. Чувствуя, как затекли ноги, Марина встала и направилась к кассам. Купила билет в один конец.

«Будь, что будет, – подумала Марина, – но завтра я уеду».

Когда она вышла из здания вокзала, небо светилось закатом. Марина побрела домой.

Закрыв за собой дверь, она увидела отблески работающего экрана компьютера. Сергея дома не было. Марина почувствовала, как злость закипает в ней и придает сил. Она снова вышла из квартиры и спустилась на улицу. Достала телефон

и набрала номер Сергея.

Со второго раза мужчина ответил.

– Тебе вообще все равно? – закричала Марина.

– Чего мне все равно?

– Я купила билет! Завтра после обеда уезжаю. Утром по делам схожу. Сразу с чемоданами, их в камере хранения оставлю. Попрощаться не хочешь?

– Ты хорошо подумала?

– Хорошо!

– Я понял.

– Ну ты и козел! Ты бездушная сволочь! Тебе на меня плевать! Плевать! Я самые лучшие свои годы провела с тобой! Ты понимаешь? Всю молодость! И что я получаю? Равнодушие! – Марина кричала в телефон, не обращая внимания на оборачивающихся прохожих. Она не сразу поняла, что Сергей уже повесил трубку.

– Гад! – рыкнула Марина и направилась к подъезду.

– Алиса! – войдя в квартиру, Марина решила решить дела с дочерью.

– Да, мам, – девушка выглянула из-за шкафа, – я постель себе стелю.

– Иди сюда, надо поговорить, – Марина разулась и, пройдя в комнату, указала рукой на диван.

Алиса в пижаме села на краешек еще не разобранного для ночи родительского дивана. Марина опустилась на другой

край.

– Мы с твоим папой решили развестись.

– Папа сказал, что это ты решила.

– Ах, так вы уже все обсудили?

– Ничего мы не обсуждали! Я хотела у него спросить, знает ли он, что произошло и когда он приедет. И можно ли мне погулять.

– Погулять! Совсем голову потеряла с этими гулянками! Но вот я уеду – хоть угуляйся! Только вот, не знаю, сказал ли тебе отец: вы с ним переедете! И ты поменяешь школу! Про кружки сможешь забыть. Хотя, ты и так про них забыла, судя по всему, –

Марина увидела, как меняется лицо Алисы. Ситуация, наконец, затронула личные интересы дочери и мать с удовольствием разглядела нарастающую вовлеченность девушки.

– Что молчишь? – Марина подняла брови. Алиса пожала плечами.

– Вся в отца! Замираешь перед сложностями? В анабиоз уходишь? Думаешь, пусть как-нибудь само собой рассосется, да?

Алиса опустила глаза.

– Ладно, все, иди, – устало сказала Марина. На нее вдруг обрушилась слабость, ужасно захотелось спать. Алиса ушла, Марина разложила диван, и, наскоро застелив постель, рухнула под одеяло.

Утро не принесло Марине облегчения. В сумке лежал билет, но это не придавало сил, напротив – клочок бумаги будто дымился, заполняя туманом сознание. Марине хотелось отыграть все назад. Забыть про свое страшное решение. Однако гордость не позволяла так поступить. Марина откинула одеяло и засунула ноги в тапочки. Надо встать и идти. С чемоданами. В никуда.

– Как же не хочется, – вслух пробормотала Марина.

Она нехотя встала, заглянула за шкаф – Алиса спала на своем кресле-кровати, которое вместе со столом занимало все отведенное ей пространство.

Марина развернулась и отправилась в ванну. Включила воду. Хотела было залезть под душ, но передумала. Умылась и пошла одеваться. Потом взяла чемоданы и подтащила их к входной двери.

«Блажен, кто вовремя созрел¹», – сказала Марина своему отражению в зеркале и вышла за дверь, волоча за собой чемоданы.

Оказавшись на вокзале, Марина вспоминала о несостоявшемся душе с отчаянием. Два тяжелых чемодана летним днем оказались грузом более непосильным, чем разногла-

¹ А.С. Пушкин. «Евгений Онегин».

сия с Сергеем. Особенно на спусках лестниц, когда чемоданы стремились достигнуть нижней ступеньки быстрее Марины, расталкивая прохожих. Которые, спотыкаясь, приходили в великое раздражение, о чем незамедлительно сообщали именно Марине. А не чемоданам.

Когда багаж остался в камере хранения, Марина почувствовала облегчение и прилив сил. Самоорганизованная неволя сменилась такой же самоорганизованной свободой. И, не смотря на всю искусственность этих житейских проблем, настроение от их разрешения ощутило улучшилось.

Марина вышла в летний день. Очень захотелось музыки. «Мне бы Алискины наушники сейчас», – вздохнула она и пошла по улице. У нее есть около четырех свободных часов, которые можно посвятить... себе.

Она совершенно не знала, чем заняться. Марина привыкла, что ее день состоит из обязанностей: разбудить Сергея, накормить и отправить на работу. Разбудить Алису, накормить, оправить в школу. Приготовить обед и ужин. Встретить Алису. Снова накормить. Проверить уроки, отвести ее на кружок, решить там множество вопросов по концертам и организации репетиций. При необходимости инициировать сбор денег. Потом снова проверить уроки Алисы. Уложить Алису спать. Встретить Сергея. Накормить... и так по кругу. Каждый день, кроме воскресенья. У Марины оставалось немного свободного времени, пока Алиса была школе. Это время посвящалось чтению. Марина обожала читать. Клас-

сику, современные романы, детективы, мистику... Ей хотелось больше времени проводить за книгами. Она шутила, что идеальная старость для нее – в библиотеке. Когда никто от нее уже ничего не будет хотеть, и шелест страниц станет привычным звуком ее дней.

Сегодня Марине читать не хотелось. Она настолько привыкла к ярким жизненным краскам в книгах, что сейчас с удивлением обнаружила себя в центре собственной блеклой жизни. Марина ощущала себя нераскрашенной фигурой из черно-белого наброска. Все это время она жила, обслуживая других. Постоянно поглядывая на часы – что нужно еще успеть? Дел было много, но, что это за дела? Она всегда считала, что есть люди-герои. А есть люди, которые нужны этим героям, чтобы им было удобнее совершать подвиги. Долгое время Марина готовилась стать героем. Но последние годы она почти смирилась с тем, что стала тем самым обслуживающим персонажем. В конце концов, рыцарям кто-то должен чистить мечи.

И вот – она одна в центре города. В лете. Под ярким солнцем. Марина уверенно прибавила шаг. Ей захотелось увидеть значимые места этого города. Дорогу, по которой она вела Алису в первый класс. Сергей тоже был рядом. Магазин, где она купила сапоги, о которых долго мечтала. Улица, по которой Сергей, обнимая за талию, волочил ее, хохочущую и подвернувшую ногу в тех самых новых сапогах. Рядом прыгала Алиса, не понимающая как реагировать: каблук

болтается, мама висит на папе и смеется. И девочка тоже начала заливаться звонким смехом...

Марина ходила долго, то улыбаясь, то грустя. Увидев часы, она поняла, что пора возвращаться на вокзал. Вспомнила о двух чемоданах. Снова почувствовала наполняющий душу туман. Кивнув самой себе, Марина ускорила шаг. Проходя мимо темных стеклянных дверей одного из домов, она бросила взгляд на свое отражение.

И остановилась.

– Да, милая, тебе только доспехи героям и чистить, куда тебе до главных ролей, – усмехнулась она. Поджав губы, она будто снова увидела себя: длинные волосы собраны кое-как в хвост, одежда, подобранная наспех, превращала ее фигуру в бесформенное подобие прямоугольника, макияж отсутствовал. И, надо признаться, уже давно. Весь этот образ, который сейчас так угнетал Марину, был с ней уже не один год.

– Ты стала бледной тенью на пародию самой себя! – завила Марина своему отражению и пошла дальше.

Она снова почувствовала себя черно-белым этюдом.

Дальше Марина просто шла. Просто смотрела на свои не очень летние ботинки. Туман в душе ловил любое начало мысли и растворял ее.

Марина быстро одернула руку от ручки, вытерла лоб и снова ухватила чемодан. Дотащить этих двух свидетелей

прошлого на платформу было нелегко. Скоро подадут поезд. Марина пришла заранее. Она очень не любила опаздывать. А уж с чемоданами опаздывать совсем не удобно. Некоторые пассажиры, хотя их еще было немного, тоже топтались на платформе. Марина села на один из чемоданов, придерживая перед собой другой. Она почти завершила дело, которое себе наметила – сесть на поезд. Но легче не становилось, туман не рассеивался. Марине не хотелось думать, что она будет делать, когда поезд доберется до пункта назначения. Что скажет бабушка. Как будет ругать ее, говорить, что нельзя бросать мужа и ребенка. А что им, мужу и ребенку, на нее, Марину, плевать, бабушке будет все равно. Есть женский долг. Который надо исполнять. Надо выдать дочь замуж, а уж потом думать о себе. Так скажет бабушка. А что бы сказала мама?

«Ах, мама», – Марина отмахнулась от этой мысли, мотая головой.

– Комаров пугаешь? – Марина вскинула голову: рядом стоял Сергей.

– Что ты тут делаешь? А где Алиса?

– Дома. Ждет, когда мама вернется.

Марина опустила голову.

– Ладно тебе, – Сергей неловко улыбнулся, – пойдём домой.

Он ухватился за чемодан, стоявший перед Мариной.

– Но я хочу уехать! – голос Марины прозвучал не очень

убедительно.

– Хорош тут концерт устраивать. Пойдем домой, все обсудим спокойно, – Сергей взял Марину за локоть и мягко потащил за собой. Марина не сопротивлялась. Будем честны, она обрадовалась, что ей не придется уезжать. Конечно, ей необходимо было сохранить видимость решимости и не отступать сразу, хоть как-то возразить. Но, минуточку...

– Так ты ради меня сюда пришел? – воскликнула Марина, – а как ты узнал? Как платформу нашел?

– Ну, я хоть и козел, который тебя не слушает, но что поезд сегодня после обеда – я помню. Да и направление – тоже. Несложная задача.

Марина довольно улыбнулась.

Пока они шли через вокзал, Марина думала, что попала в книжную ситуацию: она уезжает навсегда, он в последний (или почти последний) момент ее останавливает. После такого героя обычно кидается на шею своему возлюбленному, а он кружит ее по перрону. Почему же у нее не возникло и проблеска желания обнять? Почему книжная романтика не работает в ее жизни, хотя весь антураж сохранен? Марина покачала своим мыслям головой и поймала взглядом затылок Сергея. Нет никаких чувств. Но есть спокойствие. Не надо никуда уезжать.

Ах, да. И нет больше тумана.

К вечеру чемоданы были разобраны, Алису отпустили погулять. Сергей сказал, что не видит смысла ей что-либо подробно объяснять и довольно общих фраз о том, что все будет как раньше. Марине не хотелось спорить с Сергеем, а еще больше ей не хотелось обсуждать произошедшее с Алисой. Марина чувствовала вину за произошедшее, но не извиняться же перед Алисой! Тем более, девочка не проявляла сильного участия в переживаниях матери.

Марина зашла в ванную комнату. Разделась, сложив вещи на стиральную машинку и встала под душ. Такой отталкивающий утром и такой желанный весь остальной день. В ванну зашел Сергей. Начал раздеваться. Марина поняла, что у нее все же есть к нему чувства. И поняла их отчетливо. Впервые за последние годы.

Это было отвращение.

Почти всю следующую неделю Марина провела на диване, читая книги. Немного отвлекаясь на заботы по дому. Сергей либо был на работе, либо занимался ремонтом. Несколько раз позвал Марину с собой. Та отказалась, ссылаясь на необходимость подготовить для Алисы книги для летнего чтения, домашние дела и что-то еще. Сергей особо не настаивал.

Минула еще неделя и Марина поняла, что пора реализовать свое решение найти работу. Это решение не порождало никакого тумана – наоборот, вызывало трепет перед

приятным неизвестным.

На сей раз Марина решила молчать, пока не заключит трудовой договор.

В свой шестнадцатый день рождения Алиса получила долгожданный телефон и разрешение провести вечер с друзьями в придачу.

Когда подарок был распечатан, поздравления сказаны (Марина вложила в слова много смысла, но, на ее взгляд, дочь не поняла и трети) все пошли завтракать.

За столом в тесной кухне Сергей и Алиса уже доедали яичницу с бутербродами, когда Марина вдохнула и с улыбкой произнесла:

– Завтра мой первый рабочий день!

Алиса подняла заинтересованные глаза на мать, а Сергей перестал жевать.

– В смысле? – переспросил мужчина.

– В прямом смысле, – развела руками Марина, – завтра я выхожу на работу!

– А кем будешь работать? – спросила Алиса.

– Как в дипломе написано: учителем начальных классов.

– В моей школе? – у Алисы сильно округлились глаза и радость сменилась тревогой.

– Нет, расслабься – успокоила Марина, – школа тут неподалеку, но не твоя.

– А, ну классно! Ой, мне звонят, я у себя, – Алиса выбежала из кухни.

– И как ты собираешься следить за ней? – Сергей указал глазами в сторону, куда ушла Алиса.

– Да что ты заладил, следить да следить! Ей сегодня 16 исполнилось! Что за ней следить? Как она в школу ходит?

– Да, и как приходит. Она же туда ходить перестанет! Вот, чего ты добьешься своими желаниями! Никогда не работала и вдруг приспичило!

– Не кричи на меня! Это раз. Я хочу работать. Это два. Я буду работать. Это не обсуждается. И да. Алиса – не только моя дочь. Твоя тоже, если ты забыл. И если ты считаешь, что за девочкой шестнадцатилетней нужно следить двадцать четыре на семь – пожалуйста! Следи! Увольняйся, бери отпуска или переходи на короткий день. И следи! Обследись! Знаешь, мне надоело быть мегерой. При очень хорошем папочке. Все комендантские часы для нее диктуешь мне ты, а вот озвучиваю их ей я! И я в ее глазах плоха! Не ты! Вы с ней вместе за телефоном ходили, выбирали – ты как бы подчеркиваешь, что я неплатежеспособна, я ей купить ничего не могу. Это папа у нас благодетель, а мама дома будет курицу готовить. А потом еще рассказывать, что дома надо быть не позже восьми! Ты благодетель, я – мигера. Все! Мне надоело! Ты ведь правильно сказал: мне 40 лет будет в этом году. И последние семнадцать у меня нет своей жизни! Я живу вашей! Надоело! Я превратилась в тетку! Которая вечно орет!

Мне надоело, слышишь! Хочу свою жизнь!

– Я понял. Хоти. Только смотри, как бы твои хотения не обернулись против тебя, – Сергей вышел из кухни, оставив Марине грязную посуду.

– Ну да, тарелки за собой хотя бы до раковины донести – ноша неподъемная, – пробурчала себе под нос Марина и начала убирать со стола.

На следующее утро Марина проснулась рано. Пребывая в приятном возбуждении от предстоящего дня, она три раза переделалась, пока не сочла свое отражение в зеркале удовлетворительным. Нанесла макияж, чертыхаясь на кисточку туши и убрала волосы в хвост. Потом сделала пучок. Снова хвост. Потом распустила пряди. «Детей-то еще в школе нет», – решила Марина, – значит, можно более расслабленно. Надо, наверно, постричься что ли. Волосы в хвосте висят как... плохо, в общем, они висят», – бубнила вполголоса Марина.

– Маааам, ты чего все гремишь, – послышался сонный голос Алисы из-за шкафа.

– На работу вообще-то собираюсь, – как ни в чем не бывало ответила Марина, смакуя каждое слово на языке.

Тем временем Алиса прошмыгнула в ванну.

– Эй! – крикнула Марина, – у меня там косметика лежит!

– У нас что, очередь в туалет? – донесся из-за спины Ма-

рины голос Сергея.

– Ага, аншлаг. Утренний. Привыкай, – Марина подвинулась ближе к двери.

– А завтрак где? – Сергей заглянул на кухню и увидел пустой стол.

– Я не успела приготовить, позавтракаю на работе, – развела руками Марина.

– А я? – машинально спросил Сергей.

– А большой мальчик Сереженька решит эту проблему сам, – улыбнулась Марина и проскользнула в ванну мимо выходящей Алисы.

Выбежав из дома в солнечное утро, Марина улыбнулась и направилась к новому месту работы. Времени еще было с запасом, но женщина боялась, что дома может произойти нечто, что остановит ее или помешает сделать этот важный шаг в новую жизнь. Поэтому, оказавшись на улице, Марина почувствовала облегчение. Она шла, напевая себе под нос, и наслаждаясь собой. Впервые за многие годы ей показалось, что несколько прохожих мужчин бросили на нее заинтересованные взгляды. Марине стало очень стыдно. Но ей это понравилось.

Вечером семья собралась за ужином. Марина отварила пельмени и ей нетерпелось поделиться новостями

– Оказывается, у учителя столько работы! Если честно, я думала, что надо только сами уроки вести, ну, домашнее

задание еще проверять. А оказывается, еще много документов надо заполнять. Говорят, на это тратится уйма времени. Особенно по-первости. Но потом, говорят, уже многое наработано и проще.

– А платить тебе сколько будут? – спросил Сергей. Он сегодня решил не ездить в квартиру, хотя обычно после работы отправлялся напрямиком туда.

– Сначала не очень много. Но есть способы повысить свой разряд, он влияет на зарплату. И можно еще вести дополнительные занятия. Можно участвовать в разных активностях, они тоже могут приносить доход.

– Мам, ну тебе понравилось? – спросила Алиса.

– Да еще как! Я прямо жду теперь 1 сентября! Волнуюсь страшно!

– А у тебя первый класс будет? – Алиса поставила тарелку в мойку и вернулась за стол.

– Нет, – нерешительно ответила Марина, – у них ушла в декрет учительница третьего класса, и я буду вместо нее. Мы с ней свяжемся и она мне расскажет про класс. Наверно, к лучшему, что первый класс не дали: представляете, как родители наверно переживали бы, узнав, что их детишек возьмет какая-то тетя без опыта работы.

– А третий класс без опыта работы брать нормально? – перебил Сергей, – мне вообще не понятно, как они тебя взяли. Сразу к детям пустить. Ты диплом получила двадцать лет назад.

– Семнадцать, – уточнила Марина.

– Да не важно! И тебя пускают к детям? А если ты профнепригодна? Как тебя взяли? Что это за шарашкина контора? Они с тобой трудовой договор вообще заключили?

– Ой, пап, подожди, – Алиса решила увести разговор с плодородной для скандала почвы, – мам, а директор как тебе? Ты с ней познакомилась?

– С ним. Это мужчина. Да, он очень... милый. Понимающий такой, знаешь. Мы долго с ним разговаривали и... Мне кажется, – Марина посмотрела на Сергея, – он сначала сомневался насчет меня. Но мы с ним полтора часа где-то... В общем, он сказал, что доверяет мне класс.

– Ну, все понятно, – хмыкнул Сергей.

– Что тебе понятно? – вспыхнула Марина.

– Так, ладно, народ, я пошла, – Алиса выскочила из кухни, прикрыв за собой дверь.

– Так что тебе понятно? – приглушенным голосом повторила Марина.

– Ты знаешь, о чем я.

– Если честно, нет. Но могу предположить, что тут дело в ревности. Так вот, слушай. У него есть семья. Жена и дети. Так что любая мысль твоя про налево сразу может идти лесом.

– Семья еще никому не мешала, – буркнул Сергей и спросил, – как ты вообще на собеседование туда попала?

– Маша знакома с одной учительницей и знает, что срочно

нужен был педагог...

– Кто такая Маша?

– Про Машу я тебе тысячу раз рассказывала: знакомая моя с Алискиных кружков. Помогала мне часто с организацией выступлений для коллектива.

– А, ну по знакомству значит, не сама, – Сергей ухмыльнулся и потянулся за пультом телевизора.

– Что значит не сама? Я по знакомству только о должности узнала! Если бы я была не я, а какая-то другая – то директор и не взял бы меня на работу, не пустил к детям!

– Если бы не это знакомство – ты бы и не попала в эту школу, и этот директор бы о тебе и не узнал.

– Знаешь, у Маши куча знакомых, но почему-то она только мне предложила. И то, я сначала свое резюме составила и письмо специальное. Она это все в школу переправила, после чего директор захотел со мной встретиться.

– Захотел, значит, – пробормотал Сергей.

– Ой, это противно как! Я пошла в ванну и спать! Мне завтра на работу!

– А завтра-то зачем?

– Если ты не в курсе, на работу каждый день ходят, – огрызнулась Марина и пошла в душ.

Стоя под струями теплой воды, она услышала, как дверь в ванну отворилась и закрылась. Сергей начал раздеваться. Марина выглянула из-за шторы:

– Извини, но я очень устала. Уже вылезаю и иду спать.

Выйди пожалуйста.

Утро первого сентября выдалось солнечным и по-летнему теплым. Марина надела новый костюм, на покупку которого пришлось одолжить денег «до первой зарплаты» у той самой Маши, и закрутила волосы в заранее отрететированный пучок.

Алиса, наоборот, распустила копну своих рыжих волос и повернулась к матери:

– Тебе не кажется, что мне пора перестать краситься хной и перейти на нечто более... ммм... мягкое что ли...

– Тебе очень идет этот цвет, – Марина посмотрела на дочь.

– Он мне надоел!

– Но хна натуральная и укрепляет волосы. Смотри, какая копна у тебя. Если уж хочется красить волосы – то уж только хной! А эта магазинная краска волосы испортит. Будет три волосины!

Алиса закатила глаза.

– Ладно, давай попробуем магазинную, – Марина дружески усмехнулась.

– Отлично! Давай сегодня купим? – в нетерпении зеленые глаза Алисы расширились и выжидающе смотрели на мать.

– Хорошо, договорились.

– Класс! Спасибо, мам! – Алиса радостно проскакала к

выходу и обернулась у двери, – хорошего дня, мам!

– И тебе! – улыбнулась Марина вслед закрывающейся двери.

Сергей ночевал в квартире, где шел ремонт, как и почти все последние дни.

Марина опустилась на стул рядом с учительским столом. Дети разошлись, первый учебный день закончился. Перед Мариной стояли вазы с цветами. Подобный аванс ей поначалу показался незаслуженным. Очень уж шикарны были букеты. Марина и без того жутко боялась провала, а уж принимая цветы от многочисленных учеников, и вовсе почувствовала дрожь в коленях.

Сейчас же ей казалось, что не так уж и плохо все прошло. Одна девочка даже обняла ее на перемене перед последним уроком. Конечно, Марина вспоминала свои ошибки: особенно сложно ей удавалось запомнить имена всех двадцати пяти школьников. Один раз она даже перепутала и назвала мальчика именем соседа. Хуже всего, что она так ничего и не узнала про своих детей: обещанной «передачи дел» так и не случилось. Марине пришлось начинать все с чистого листа и делать собственные выводы о каждом ребенке.

Относительно теории преподавания у нее сомнений не было: Марина пол-года провела над учебниками младших

классов, осваивая программу. Последние две недели она основательно изучила все методички, которые выдал ей завуч.

Марина продолжала сидеть за столом, переводя взгляд с цветов в окно и обратно. Прокручивала в памяти события этого утра и дня. Достаточно ли полно она ответила на вопросы родителей на линейке? Хорошо ли взаимодействовала с ребятами? Что делать с мальчиком Ильей, которому совсем не хочется учиться и который демонстрирует сей факт всем своим видом, зачастую мешая остальным? В меру ли она хвалила правильно ответивших ребят или слишком уж бойко? Марина сжимала и разжимала кулаки, вспоминая о, на ее взгляд, удачных и, наоборот, негативных моментах.

– Ого, у Вас оранжерея! – послышался голос Вячеслава Анатольевича. Директор стоял в дверях.

Марина вздрогнула и выпрямилась на стуле. Потом вскочила:

– Здравствуйте, Вячеслав Анатольевич! – выпалила она. А про себя подумала: «Боже, наверно, ему на меня уже пожаловались! Что ж я сделала? Где так напортачила?».

– У Вас взгляд такой, будто Вы тигра без клетки наблюдаете, – рассмеялся директор, – я хотел поинтересоваться, как у Вас прошел первый день?

– Охх, – Марина опустила на стул, за которым до этого сидела, – честно, я не знаю! Я вот сама сижу и думаю, как он, день этот, прошел. И понять все никак не могу. Вроде бы, неплохо. Хорошо даже! Но столько всего сегодня про-

изошло, что не разберусь никак, – Марина робко улыбнулась.

– Если не можете разобраться, значит, все было хорошо. В противном случае Вы бы знали, уж поверьте!

– Да? Вы думаете? – Марина улыбнулась, – мальчика одного сегодня два раза именем соседа назвала. Позорище. А все потому, что ассоциацию дурацкую сделала!

– Какую ассоциацию? – директор поднял брови.

– Ну, чтобы запомнить имя. Они когда представлялись, я их имена ассоциировала с какими-нибудь знаменитостями. Или со своими знакомыми.

– О, да Вы мнемотехникой увлекаетесь, – улыбнулся Вячеслав Анатольевич.

– Мне нравятся ее приемы. Это ведь так просто: у девочки Кати в моем воображении в кармане рубашки котенок сидит, а у Коли на плечах Николай Гоголь. Но вот с Горьким незадача получилась: я их внешне с Гоголем путаю, потому и Максима с Колей тоже перепутала.

– Это ж какое сборище у Вас сегодня в классе было! – засмеялся директор, – и Горький с Гоголем! У Вас еще в классе Антон есть. Значит, наверняка Чехов тоже заходил? Много классиков к Вам еще сегодня нагрянуло?

– Пушкин был, – рассмеялась в ответ Марина.

– А Бунин был?

– Нет, – Марина хохотала, – Бунина я с Чеховым путаю.

– Ага... значит, погодите... Тургенев? Тургенев с Ваней

Красько сидел?

– Именно! Тургенев похож в моей голове на Толстого.

– Но Львов у вас в классе нет, – закончил мысль Марины Вячеслав Анатольевич.

– Именно так! Как Вы хорошо учеников знаете!

– Как говаривал Хэмингуэй, каждый человек рождается для какого-то дела, – рассмеялся директор, – я, видимо, для того, чтобы учеников своей школы запомнить! Марина Викторовна, сегодня коллектив собирается отметить начало учебного года. Тут недалеко, в кафе. Приглашаю Вас присоединиться к нам.

У Марины загорелись глаза. Она так давно об этом мечтала: походы с коллегами, обсуждение работы, шутки. Да и познакомиться поближе с другими учителями ей тоже хотелось – она чувствовала себя чужой. Марина открыла было рот, чтобы озвучить свое согласие. Но тут вспомнила о своем обещании Алисе.

– Ох, спасибо большое! Но я сегодня обещала дочери сходить в магазин выбрать с ней краску. Ну, и покрасить ее.

– Да, обещание, данное ребенку, бесценно, – Вячеслав Анатольевич кивнул головой.

– Еще раз спасибо за приглашение.

– В следующий раз приглашу Вас заранее, – улыбнулся директор, – хорошего Вам вечера.

– Спасибо! И Вам, – Марина посмотрела ему вслед.

– Таак, смешайте вот это и вот это вот здесь, – бормотала Марина, читая инструкцию к краске. Алиса стояла рядом.

– Иди надень что-нибудь, что не жалко, – сказала Марина дочери.

– Без проблем! Почти весь шкаф такого! – Алиса убежала к шкафу.

«Хмм, а ведь у меня тоже, – задумалась Марина, – всегда считала, что одежда – это даже не вторично, а где-то третично или даже четвертично... Но ведь к сегодняшнему дню я побежала покупать действительно хороший костюм. Потому что абы в чем я прийти к детям не могла...».

– Ну как мам, готово? – Алиса стояла в футболке неопределенного цвета.

– И много у тебя такой одежды?

– Какой, – подняла брови Алиса.

– На которую смотреть страшно.

– Достаточно. Мы можем часто краситься. Могу еще с тобой поделиться. Если влезешь, конечно, – Алиса высунула язык.

– Ой-ой-ой, уж ненамного я толще тебя! Ладно, приступим.

Марина надела перчатки и стояла с готовой смесью для волос. Алиса разместилась на стуле, принесенном в ванну. Больше места в помещении не осталось, поэтому Марина колдовала над волосами дочери из маленького коридорчика.

Пока Марина наносила краску, завязался разговор о новой квартире. В которую, после окончания ремонта, предстояло переехать. Алиса пыталась уговорить мать оттянуть переезд на окраину до окончания школы. Марину же больше волновало поступление дочери в ВУЗ, который до сих пор не выбран. Разговор начинал накаляться.

– Кстати, – Марина решила переменить тему, – я тут по поводу одежды задумалась.

– Да ладно? С каких это пор тебя одолевают такие житейско-приземленные вещи? – прищурилась Алиса.

– Не мотай головой! – прикрикнула Марина, – я подумала, что мы все это время, что мне, что тебе покупали какое-то барахло. Бездумно и, главное, чтоб подешевле было.

– Ну так ты сама говорила всегда, что шмотки – это последнее, на что надо тратить деньги.

– Мне кажется, надо немного поменять принцип.

– Вау! Покупать много и дорого? А кто спонсор?

– В том-то и беда, – хмыкнула Марина, – спонсора нет, буем сами выкручиваться! Я собираюсь с каждой зарплаты откладывать деньги на одежду и еще вести список того, что действительно нужно. И раз... например, раз в три месяца покупать то, что прям нужно-нужно. А то смотри, у нас с тобой шкаф не закрывается, а носить по факту нечего.

– Давай устроим ревизию гардероба! – у Алисы загорелись глаза.

– Это как? – спросила Марина.

– Надо все-все достать из шкафа и решить, что ты будешь носить, а что нет.

– И что делать с тем, что попало в «нет»?

– Сжечь!

Марина засмеялась. Это было непривычно: болтать с дочерью, смеяться над ее шутками – раньше она только и делала, что подгоняла ее, отсчитывая время из списка дел.

– Мне нравится твоя идея! – кивнула Марина.

– Тогда смываемся и приступаем! – скомандовала Алиса.

– погоди! Не прям же сейчас! Тебе ведь еще уроки надо сделать! А мне подготовиться к завтрашнему дню!

– Ой, мам, не будь занудой! Нет лучшего времени, чем сейчас!

– Это когда ты стала философом? – спросила сдавшаяся Марина.

— Жизнь заставила, – заявила Алиса, – надо твои клумбы из душа в комнату перенести, кстати, а то я помыться не смогу.

– Это букеты, – засмеялась Марина, и они обе начали переносить цветы на кухню и в комнату.

Дальнейшие часы прошли в оценке медово-золотистого цвета волос Алисы и вываливания на пол содержимого шкафа.

– Так! Давай свое барахло отдельно от моего, а то выкину, – смеялась Алиса, бросая в мать брюками.

– Между прочим, в этих брюках я водила тебя в школу,

когда ты училась в первом классе!

– И зачем ты их хранишь? Как символ веры в сорок второй размер?

Марина задумалась. Вещи хранят историю. Прикасаясь к брюкам, ты можешь буквально дотронуться до прошлого. Но когда последний раз Марину тянуло потрогать эти брюки? Лет, наверно, семь назад. Подобная участь постигла и все остальные предметы одежды, хранимые «на память». По факту они превратились просто в склад вечно мешающегося барахла.

За окном было уже темно, когда груда вещей на полу и диване оформилась в ровные кучки.

– Ну, у тебя какая на выброс? – поинтересовалась Алиса.

– Вот, – гордо представила Марина самую большую кучу.

– Ого! Как ты рубишь с плеча. У меня поменьше, – Алиса переводила взгляд с кучи на кучу.

– Я живу дольше, – заметила Марина.

Тут замок шелкнул, и в дверях показался Сергей:

– Что тут у вас происходит?

– Ревизия гардероба, – хором сказали Алиса с Мариной.

– Чего? Что это значит?

– Выкидываем все ненужное! – объяснила Алиса.

– И много у вас ненужного? – нахмурился Сергей.

– У мамы больше! Вот ее гора, а вот моя кучка, – гордо заявила Алиса.

– Так вам теперь новое понадобится?

– Да! И мы даже решили с мамой, как теперь будем вещи покупать!

– Ах, да! У нас же мама теперь богатая! На работу пошла! Зарплата – во, – Сергей развел руками. Марина отвернулась.

– Ты предупреди там, чтобы в следующий раз тебе не букеты-веники дарили, а деньгами скидывали. Или сама собирай. Опыт у тебя большой. А то все для других собирала, теперь вот для себя начнешь.

Алиса с Мариной переглянулись. Настроение праздника и легкости улетучилось, они быстро сгребли ненужную одежду в пакеты, а остальное распихали в заметно опустевший шкаф.

Алиса ушла к себе, а Марина открыла материалы для подготовки к завтрашнему уроку.

Наутро, уходя на работу, она не решилась выкинуть мешки с одеждой, оставив их в прихожей.

Сентябрь пролетел незаметно. Марина чувствовала себя все более уверенно на уроках. С коллегами установились достаточно хорошие отношения. Близко Марина ни с кем не общалась, но всегда была рада перекинуться парой слов за обедом. Вячеслав Анатольевич часто заходил к Марине в класс после уроков, справиться о ее успехах. Марине очень нравилась подобная поддержка. Часто она спрашивала совета у директора и он всегда ей помогал. Марина поняла,

что в классе у нее появились любимые ученики и хоть старалась этого ничем не выказывать, испытывала чувство вины по этому поводу.

Сегодня Марина сидела за столом в своем кабинете. Она уже проверила домашние задания и писала отчет.

– Марина Викторовна, Вы здесь! Отлично! – в кабинет зашел Вячеслав Анатольевич в кожаной куртке поверх костюма вместе с завучем, – идет подготовка ко дню Учителя и я уверил Олеся Владимировну, что Вы непременно можете помочь!

– Что? Я? – пролепетала Марина.

– Конечно! Олеся Владимировна Вам все объяснит, а мне уже, к сожалению, пора!

– О, а я как раз хотела обсудить возможность выхода с детьми на улицу... В рамках изучения темы воздуха, его загрязнения...

Директор с завучем вопросительно смотрели на Марину.

– У нас тема – воздух по окружающему миру сейчас. Его значение для живых организмов, свойства и состав. А также загрязнение воздуха. Я хотела устроить урок на улице, погода вроде как еще хорошая...

– Мы не проводим уроки на открытом воздухе, – отрезала завуч.

– Олеся Владимировна, – мягко начал Вячеслав Анатольевич, – может...

– Нет, Вячеслав Анатольевич! Мы потом с родителями

месяц разбираться будем! А если кто-то заболел? А если убежит?

– Они у меня вменяемые, убежать за территорию школы не станут, – Марина попыталась отстоять свою идею.

– Это Вам так кажется! Глазом не моргнете! Кроме того, уж поверьте моему опыту: никакого урока у Вас не получится! Часть детей будет бегать по школьному двору, еще часть болтать друг с другом в сторонке, в итоге урок проведете для пары детей. Если вообще на улицу сможете выйти. Пока они оденутся... Поэтому, – Олеся Владимировна бросила грозный взгляд на директора, – учитесь в классе, пожалуйста.

Марина посмотрела на Вячеслава Анатольевича. Тот развел руками.

– Хорошо. Я поняла, – тихо сказала Марина.

– Дамы, я вас оставляю, – сказал Вячеслав Анатольевич и вышел из класса.

– Итак, Марина Викторовна, – начала завуч. Это была женщина средних лет, одетая в элегантный костюм. С ровной кожей и стянутыми на затылке волосами.

– Как Вам известно, – продолжила она, – скоро день Учителя и мы готовим программу. Учителя готовят сценки с участием своих детей. А также должен быть номер от учителей. Вот сценарий. Это для учителей. Ваша роль – уборщица.

– Уборщица? – переспросила Марина.

– Да. У Вас, может, есть какие-то предубеждения относительно должностей обслуживающего персонала?

– Нет-нет, – поспешила ответить Марина и бегло просмотрела сценарий, – но... я тут по тексту вижу, что она немного... эммм... грубовата и...

– Да. В этом и суть. Показать последствия плохого образования. В общем, Ваша задача – присоединиться к репетициям учителей, а также подготовить сценку с вашими детьми...

Простите, а... Вячеслав Анатольевич тоже будет участвовать?

– Нет. Но он просил проследить, чтобы Вы тоже поучаствовали в празднике. Специально для Вас мы добавили персонажа.

Марина изобразила улыбку.

– Успехов! – бросила Олеся Владимировна и вышла из класса.

Марина откинулась на спинку стула и начала читать сценарий. Послышался рев мотоцикла, и Марина посмотрела в окно: на проезжающем байкере была очень знакомая кожаная куртка поверх костюма. Марине почудилось, что он смотрит в ее сторону.

Репетиции проходили весело. Марина очень скоро стала вдохновителем постановки и даже полюбила свою роль. Марина немного перекроила сценарий и он превратился из

пластмассовой постановки в живую сатиру-сказку. Коллеги восприняли доработанную пьесу с восторгом. Олеся Владимировна не участвовала в репетициях, доверяя коллективу учителей младшей школы.

Также Марина поставила смешную сценку с четырьмя детьми из своего класса. Ребята были в восторге, а у Марины от счастья прыгало сердце, когда она смотрела на репетиции учеников. Одноклассники завидовали участникам предстоящего концерта и Марина пообещала, что непременно задействует всех желающих для ноябрьского концерта. Окрыленные такой перспективой, на репетиции четырех одноклассников оставался почти весь класс. Кто-то из желания чему-то научиться, кто-то ради веселья, царящего на репетициях, а некоторые просто за компанию.

– Жалко, что у нас нет дня самоуправления, – сказала Марина коллегам, когда они украшали актовый зал.

– Почему нет? В средней и старшей школе есть, – ответила Стелла Макаровна, молодая учительница начальных классов.

– А у нас почему нет? – удивилась Марина.

– Олеся против. Говорит, незачем учебный процесс тормозить. Это ж, по сути, весь день в трубу.

– Почему в трубу? Неужели старшеклассники не смогут в младшей школе правило по русскому объяснить?

– Мариин, не идеализируй. Это ж готовиться надо. А нынешняя молодежь этого не любит.

– Стелла, ты ведь сама – молодежь, и вроде все в порядке у тебя с подготовкой. И потом... Можно было бы что-нибудь придумать... Допуск для желающих заранее организовать...

– Вечно ты – фонтан идей, – рассмеялись коллеги, – аккуратнее на стремянке, Марин!

– Кто тут метит в мастера беспарашютного спорта? – раздался голос вошедшего в актовый зал директора.

– Марина, – звонко ответила Стелла, поправляя волосы.

– Балансирую на трапеции, – Марина прикрепила край растяжки и обернулась, – ровно?

– Как там было у Фицджеральда? «Человеку незаурядному всегда приходится балансировать на грани²» – картинно всплеснув рукой, продекламировал директор.

– Так ровно? – Марина смутилась и слегка покраснела.

– Вроде да, – ответила Стелла, – Вячеслав Анатольевич, как на Ваш взгляд?

– Идеально! Марина Викторовна, можете эвакуироваться с вашей трапеции. Только подождите, сейчас я ее Вам подержу.

Но не успел директор подойти к стремянке, как Марина ловко спрыгнула и оказалась прямо перед его носом. На вид Вячеславу Анатольевичу было около сорока пяти, костюм на его идеальной фигуре всегда сидел безупречно. Но сегодня он был в футболке и кожаной куртке. Марина опустила глаза и поспешно отошла.

² Ф.С. Фицджеральд. «Ночь нежна».

– Как-то Вы не при параде, – заметила Стелла.

– Так праздник же завтра, – напомнила учительница средних лет, Нина Александровна, поправляя очки на розовощеком лице.

– Не волнуйтесь, коллеги, я к завтрашнему успею принять благоразумный вид, в грязь лицом не ударю, – директор щелкнул пальцами.

– Ах, Вы опять на своем коне сегодня? – с нескрываемым восхищением спросила Стелла.

– Да, ловлю последние теплые деньки, но чтобы не перепачкаться приходится переодеваться. Дамы, не буду вас отвлекать, – Вячеслав Анатольевич поклонился и вышел из зала.

– А что значит «на своем коне», – спросила у Стеллы Марина.

– На мотоцикле, значит.

– А, надо же, – Марина искренне удивилась.

– Да, он у нас крутой.

Перед началом концерта царила суматоха. Детей необходимо было рассадить, проверить аппаратуру. Выступающих размещали в первых рядах. Марина помогала с организацией и в последний момент побежала переодеваться в костюм уборщицы. Она взъерошила волосы, взяла необходимый реквизит, чтобы расположить его за кулисой, и спешно

направилась к актовому залу.

Когда она проходила мимо валяющегося мешка с мусором, послышался знакомый голос:

– Не изволите ли захватить сие...

Марина обернулась.

– Вы? – опешил Вячеслав Анатольевич. Он стоял перед Мариной в своем очередном безупречно сидящем костюме и виновато смотрел на нее. Марина засмеялась.

– Конечно же! Изволю, – и потянулась к мешку.

– Нет, что Вы, постойте, я сам! Простите, я принял Вас...

– За уборщицу? – продолжала смеяться Марина, – замечательно, значит, я грамотно подобрала костюм!

– А зачем Вам костюм уборщицы?

– Вячеслав Анатольевич, Вы меня пугаете, Вы ведь сами хотели, чтобы я участвовала в спектакле!

– Ну да, хотел... Но почему уборщица-то? Объясните мне... Хотя, я лучше у Олеси поинтересуюсь...

– Все в порядке, – в глубине души Марина обрадовалась. Она думала, что идея такой роли была если и не придумана, то как минимум одобрена директором. Его искреннее удивление свидетельствовало об ошибке.

– Уже начинается, – воскликнула Марина, – я побежала!

Не ясно, какая суматоха была суматошнее: перед началом концерта или после него. Учителя принимали цветы, дети возбужденно обсуждали увиденное. Школьники, выступ-

павшие на сцене, чувствовали себя звездами. Марина стояла, окруженная детьми своего класса. Они бурно обсуждали отыгранную сценку, когда к ним подбежала Нина Александровна:

– Мариша! Ты звезда просто! Какая забавная пьеска получилась у вас! Никогда такого на нашей сцене не видала! Как здорово! А дети твои! Ах, вот вы! Анечка, Коля, – остальных ребят Нина Александровна не знала, – ребята, ну, звезды! Вот ведь какие молодцы! Теперь вас в заключение будем ставить! Так сильно! Смешно-то как было! Молодцы! Мариша, а ты какая умничка! Придумала все! Отрепетировала! Так складно все получилось!

– Вы изменили сценарий моей пьесы для учителей! – сквозь толпу к Марине протиснулась Олеся Владимировна и скрестила руки на груди.

– Мы его чуть доработали, – ответила Марина, готовая принять любой вызов на волне успеха.

– Марина Викторовна, поздравляю Вас! – подошел директор, – Ваши дети выступили превосходно! Молодцы, ребята! Олеся Владимировна, Вам большое спасибо! Вы такую потрясающую роль Марине Викторовне придумали! Очень талантливо! Я, честно говоря, сначала хотел возмутиться, почему у нас новый учитель уборщицу играет. А у Вас тут такая драматургия вокруг нее! Марина, Вы превосходно справились с главной ролью.

– Викторовна, – холодно сказала завуч.

– Что? – переспросил директор.

– Марина Викторовна, – завуч сделала ударение на последнем слове, – я очень рада, Вячеслав Анатольевич, что Вам понравилось.

Олеся Владимировна качнула головой и удалилась.

– Вы сегодня будете? – крикнул ей вслед Вячеслав Анатольевич.

– Еще не знаю, – донеслось со спины завуча.

После спектакля учителя решили устроить сабантуй.

– Марина Викторовна, Вы присоединитесь к празднику? – обратился директор к Марине.

– О, да, наверное...

– Чего так неопределенно, Мариш? – Нина Александровна обняла Марину.

– Да приду, приду, – улыбнулась она.

– Тогда, коллеги, до встречи! – Вячеслав Анатольевич начал протискиваться к выходу.

Когда дети разошлись, а учителя разобрали украшения зала, Марина вернулась к себе в класс.

«Так странно, – думала она, – это место, этот класс – все это уже стало моим вторым домом. А ведь чуть больше месяца только прошло. А я здесь отдыхаю. Душой. Чувствую себя в безопасности».

Телефонный звонок прервал ее мысли. Марина порылась в сумочке.

– Ты где? – раздался в трубке недовольный голос Сергея.

– В школе. На работе. Где ж еще.

– И как работается?

– Эммм... нормально! У нас сегодня был праздник. День Учителя, между прочим, называется. Не хочешь меня поздравить, раз уж позвонил?

– Поздравляю. Пока ты там развлекаешься, твоя дочь прогуливает школу.

Марина в ужасе замолчала. Она порой разрешала Алисе не ходить в школу. По причине здоровья, или усталости. Но Марина всегда была в курсе, в школе дочь или нет. Будучи матерью, она панически боялась всех этих компаний подростков, которые порой встречались ей во дворах с пивом в руках. Марина всегда с неприязнью размышляла о родителях этих детей. Неужели Алиса так же? Ведь это ее, Марины, вина. Значит, она плохая мать!

– Как ты узнал? – у Марины дрогнул голос.

– Освободился рано, по дороге домой увидел ее за восьмым корпусом.

– Боже! Я выхожу домой. Сейчас позвоню ей!

Марина живо побросала вещи в сумку, схватила два букета и побежала к выходу.

– Марина, у Вас что-то случилось? – на повороте она налетела на директора, который теперь держал ее под локти.

– Нет... то есть да... я должна идти. Простите, – Марина освободилась от поддерживающих ее рук и направилась дальше.

– Я могу Вам помочь чем-то? – догнал ее голос Вячеслава Анатольевича.

– Нет-нет, спасибо, – Марина остановилась и обернулась, – я сегодня не приду. Простите.

– Мне очень жаль. Пожалуйста, скажите, если Вам понадобится помощь!

Марина кивнула и скрылась на лестнице.

Алиса ответила на звонок довольно быстро.

– Ты где? – чуть ли не рыком спросила мать.

– Дома, – ошарашенно ответил голос дочери на той стороне трубки.

– Я скоро приду. Никуда не уходи! – Марина швырнула телефон в сумку и понеслась домой.

Она влетела в квартиру, бросила сумку в прихожей, цветы свалила в кучу в ванной, скинула обувь и шагнула в комнату.

– Алиса! – прогремела она.

Девушка вышла из-за шкафа:

– Мам? у тебя что-то случилось?

– Я все знаю! – прокричала Марина.

– Ух ты! Везет! – усмехнулась Алиса.

– Не смей тут! Ты прогуливала уроки сегодня! Как ты могла? Стоило мне выйти на работу, как ты тут же учебу на гулянки променяла! Прав был твой отец! За тобой следить надо, как за маленькой!

– Блин, мам, как же меня задолбало это все! Только пока-

залось, что что-то налаживается! Ничего я не прогуливала...

– А ну не врать мне! Кто за восьмым корпусом в гоп-компаниии сидел?

– Чегооо?? В какое еще гоп-компаниии?!

– В такой! Я все знаю! Тебя видели!

– Ну, я там была. За восьмым корпусом. Мы не пошли на концерт в честь дня Учителя. Наши парни поставили танец маленьких лебедей, даже костюмы купили. А им его запретили танцевать. Поэтому мы всем классом решили бойкотировать концерт. Не, нашлись, конечно, люди, которые все-таки пошли: Леночка Коробкова, например. Но большая часть класса не пришла, и я сразу домой не пошла, а с ребятами побыла.

Марина почувствовала, как начинает сдуваться словно воздушный шарик.

– А почему ребятам запретили танцевать?

– Ну, потому что этот танец должны девочки танцевать. Если коротко.

– А, – Марина молчала, – а где отец?

– Не знаю, а что?

– Он не приходил?

– Домой? Нет. А должен был? Кстати, а кто тебе стуканул про меня?

– Не важно, – отмахнулась Марина, – А почему ты не предупредила?! Зачем тебе телефон купили? Ты видела, что во дворах творится? Одни гопники!

Тут Марина увидела лицо дочери и подумала, что было бы неплохо снизить градус разговора.

– Ладно. Извини. Я просто очень боюсь, что... в общем, все нормально... Мир? – Марина выставила примиряющий кулак.

– Ну, мир, – Алиса протянула кулачок в сторону матери. Марина стукнула своим ей навстречу.

Алиса ушла к себе, а Марина расположилась на диване. «Ты где?» – отправила она сообщение Сергею и пошла переодеваться.

Она поставила цветы в вазы, переделалась, загрузила стирку и проверила телефон. Ответа не было. Марина нажала на кнопку вызова. Сергей ответил не сразу.

– А ты где? – спросила Марина.

– Ремонтom занимаюсь.

– В смысле ремонтom? Ты ведь домой шел? Тем более Алиса...

– Ситуация изменилась. Что с Алисой?

– Все нормально с Алисой.

– Я понял. Прогуливать школу теперь нормально. Я понял, да.

– Она не прогуливала!

– А, она уже тебе лапши на уши навешала.

– Слушай! Она не пошла на концерт. Праздничный. У них тоже праздник! Как и по всей стране. День учителя! Второй

раз напоминаю! А ты как обычно! Натравил меня на нее, а сам сбежал. Тьфу! – Марина с силой нажала на кнопку отключения вызова.

– Алиса! – крикнула Марина, – я пойду мусор выкину и скоро приду!

– Ага! – донеслось из-за шкафа.

Марина накинула пальто и собрала мешки с одеждой, все еще валяющиеся в коридоре и занимавшие добрую половину его площади. «Давно пора было избавиться от этого хлама, – Марина выпрямилась и взглянула на себя в зеркало, – пальтишке-то, по-хорошему, вслед за пакетами бы отправиться, лет пятнадцать уже ношу». И шагнула за дверь.

Был уже вечер. По-осеннему прохладный ветер распахнул полы пальто, и Марина опустила пакеты на асфальт, чтобы застегнуться. Одна из пуговиц оторвалась, и пришлось шарить по асфальту в поисках ускокавшей фурнитуры. Найдя пуговицу, Марина сунула ее в карман и хотела было подобрать пакеты, как услышала звук мотора. У нее упало сердце: «Только не он! В городе тысячи мотоциклистов и просто не может быть, чтобы именно сейчас именно здесь».

С ужасом Марина увидела знакомую куртку. Будто парализованная, она стояла в застегнутом через пуговицу стареньком пальто поверх домашней одежды посреди кучи разбросанных пакетов с вещами. И смотрела на приближающийся мотоцикл.

Вячеслав Анатольевич притормозил и снял шлем.

– Как Вы тут? – ошарашенно спросила Марина.

– А я тут часто езжу, – засмеялся Вячеслав Анатольевич, слезая с мотоцикла, – когда пробки, я делаю небольшой крюк, зато объезжаю самое горячее место.

– А, – только и смогла сказать Марина. Она старалась запахнуться в пальто, чтобы скрыть отсутствие пуговицы. Ее взгляд упал на пакеты, и она бросилась их поднимать.

– Давайте, я помогу! – Вячеслав Анатольевич тоже принялся собирать пакеты. Один он взял довольно неуклюже, и из пакета посыпались вещи. Пунцового цвета Марина, наблюдавшая как по асфальту разлетаются старые футболки, носки и нечто похожее на нижнее белье, бросилась к директору.

– Аааа яяяя сама! Спасибо! Большое спасибо, но я сама! – Марина как в тумане запикивала все, что видела на асфальте, в мешок.

– Простите, тут где-то моя гарнитура.

– Что?

– Вы мою гарнитуру тоже сгребли, она выпала, когда я наклонился, – засмеялся Вячеслав Анатольевич, – это у Вас мешки для помощи беженцам?

– Нет! – выпалила Марина, отбирая у Вячеслава Анатольевича пакет, – это мы ревизию гардероба делали с дочерью!

Она рывком запустила руку в мешок, нащупала гарнитуру и протянула ее директору.

– Спасибо, а где тут у вас тут мусорные баки?

– Там, за домом, но я сама...

– Идемте, – улыбнулся Вячеслав Анатольевич, подобрав несколько пакетов.

Марина побрела к бакам. Она чувствовала себя рядом с директором странно: сердце билось слишком уж часто, интонация произвольно менялась, мысли путались. А от осознания своего ужасного внешнего вида Марину мучило. Они подошли к бакам, и Марина закинула свои мешки внутрь. Вячеслав Анатольевич сделал то же самое с теми, что держал в руках.

– И часто Вы так гардероб разбираете? – спросил директор.

– Впервые в жизни, – ответила Марина, – честно говоря, эти мешки уже месяц дома провалялись.

– Не решались вынести?

– Наверное... не знаю. Хотя, чего не знаю. Именно так. Не решалась. Это какая-то связь с прошлым. Я ведь помню, как практически каждую вещь покупала. Зачем и при каких обстоятельствах.

– То есть, сейчас Вы распрощались с частью вашего прошлого?

– Выходит, что так, – поджала губы Марина, – ну, мне пора!

– Простите, так у Вас все хорошо? Просто Вы сегодня с таким лицом уходили...

– Ах, да... да, все разрешилось. Ложная тревога, – Марина грустно улыбнулась, – кстати, а как у вас все прошло?

– Замечательно! Я как всегда, между двумя зданиями: старшей и начальной школы.

Вот уже домой еду.

– Ну, отлично! Еще раз спасибо за помощь и... до свидания!

– Хорошего вечера, – помахал входящей в подъезд Марине Вячеслав Анатольевич.

Осень уже в полную силу дышала над землей. Листья, еще не сухие, еще сохранившие влагу, пестрили багряными красками. Ветер подхватывал ветви деревьев и будто любовался их градиентом в лучах мягкого солнечного света. Осенняя листва необычайно красива. Весной мы видим ее свежесть, чувствуем буйный запах цветения, наслаждаемся пробуждением природы, предвкушая ее распутившуюся красоту. Летом мы проходим мимо листьев, наполненных жизненной силой. Таких упругих и сочных. Стоит разорвать летний лист на две части – как тут же ударит в нос неповторимый запах зелени. Летний газон со скошенной травой благоухает солнцем, росой, пением птиц и улыбками.

А осенью? Осенью мы, помня, как восхитительна была весна с ее набухшими почками, пахнущими пряным ожиданием; помня чарующе плотный запах лета, – осенью мы оста-

навливаемся перед деревом, пораженные его зрелой красотой. Невозможно пройти мимо этих красно-желто-оранжевых листьев, перемешанных друг с другом причудливым сочетанием. Мы замедляем шаг, останавливаемся и любуемся. Лучики солнца подсвечивают багровые прожилки золота листьев и глаза продолжают скользить по этому шедевру осенней природы, наслаждаясь каждым сантиметром...

Марина медленно шла по аллее, любуясь красками осени. Раскидывая носком сапога яркие листья, она размышляла. Ей хотелось попытаться взглянуть на свою жизнь со стороны. Кто она? Сорокалетняя учительница, совсем недавно начавшая карьерный путь. Звездные вершины ей уже не светят – просто не успеть. Остается просто наращивать профессионализм и наслаждаться процессом. Достаточно приличные перспективы. Да, мир она не изменит, но она учит детей. И она – первая с кем они знакомятся. От того, какой фундамент она в них заложит, зависит очень многое в их жизни.

Ответственность. Серьезная ответственность. Марина улыбнулась скользнувшему по ее щеке лучику заката.

А что в личной жизни? Марина опустила глаза. Снова шаркая мыском сапога, Марина рассматривала сухие листья. Столько лет вместе... а что теперь? Он делает ремонт. Целыми днями пропадает в новой квартире. Она сначала даже пыталась ездить туда с ним, как-то помочь. В результате они несколько раз серьезно переругались, и Марина дала себе зарок в ремонт не вступать. Сергей собирался экономить

на всем, что вполне обоснованно с учетом их ограниченного достатка. Марина уже привыкла к тому, что они если что-то и покупали, то всегда ориентировались лишь на цену.

Однако, в этот раз она попыталась убедить Сергея, что было бы здорово обустроить квартиру в первую очередь красиво, пусть и немного дороже. Сергей же и слушать не хотел. Тем более, что часть покупок взяла на себя его мама, а в этом случае Марино мнение не только не учитывалось, но еще и осмеивалось.

Все это укрепило Марину в мысли не влезать в процесс ремонта. О чем она и заявила Сергею. Ей показалось, что он даже обрадовался такому ее подходу. В итоге, теперь с Сергеем они виделись очень редко. Что радовало Марину. Она давно поняла, что ей хорошо, когда его нет.

Однако, весной им придется переехать и... снова жить вместе. Марину передергивало от неприязни, когда она представляла общую постель в их спальне...

«Стоп! – практически крикнула сама себе Марина и машинально остановилась, – но ведь я НЕ ОБЯЗАНА переезжать с ним!».

Эта мысль впервые пришла ей в голову.

«Ведь сейчас мы живем с Алисой по сути отдельно», – развивала Марина озарившую ее мысль. И если она не переедет с Сергеем, то она просто продолжит свою сегодняшнюю жизнь. Но уже по своим правилам. Ей уже не надо будет бояться, что Сергей-таки вернется ночевать и станет к ней при-

ставать (от этой мысли Марина передернула плечами, будто отряхиваясь от грязи).

«Но где же жить?» – спросила она саму себя. Этот вопрос поверг ее в ступор. Марина снова зашагала по аллее, опустив голову. «Но я ведь могу снять квартиру! – она остановилась у ярко-оранжевого дерева, – понятно, что это будет не в центре, как сейчас, где-то на окраине, зато это будет мое! Никто туда не вломится без спросу!»

Марина подхватила листик, упавший с дерева к ее ногам. «Понятно, Алиса поедет со мной, – продолжала размышлять она, – конечно, если захочет... Но, наверно, все же захочет».

Марина все вертела листик в руках. Потом подняла глаза к дереву, будто обращаясь к нему: «Я ведь не буду жить с человеком, который мне неприятен просто потому, что больше нигде!? Все это время я жила с ним, прикрываясь каким-то там долгом, Алисой – чем угодно. Но правда-то в другом! В этом мещанском страхе! Что некуда! Я могла, конечно, уехать к бабушке... Но это надо было делать сильно раньше, когда Алиса была мелкая. Теперь-то она точно со мной не поедет. С отцом останется. А с ним она пропадет. Хотя, когда она была мелкая, были все эти выступления, концерты... Ох, да что там думать! Что есть, то есть. Надо думать о том, как поступать теперь. И у меня есть время подготовиться: еще четыре-пять месяцев. Я справлюсь!».

Марина бодро зашагала дальше, сжимая в руке оранжевый листок, как талисман. Как вещественного свидетеля сво-

его решения. Очередного решения, круто меняющего жизнь.

Размышляя о технических нюансах претворения своих планов в жизнь, Марина видела самый большой камень преткновения в реализации. Деньги. Как бы свысока она к ним всегда не относилась, сейчас она могла признать, что именно деньги не давали ей пойти собирать вещи прямо сейчас. Она не могла радостно переступить порог квартиры и бодро крикнуть Алисе: «Собирайся, мы переезжаем». Потому что у Марины не было денег. На оплату квартиры, на ведение быта. Сейчас Сергей оставлял часть зарплаты Марине на продукты и на оплату коммунальных счетов. А если Алисе или Марине требовалось что-то из одежды – Сергей, хоть и долго выяснял, можно ли обойтись без этих трат, все же чаще соглашался финансировать возникающие нужды. Марина понимала, что ей придется просить Сергея давать ей деньги на Алису и эта мысль ей противила. Как унижительно выпрашивать! Марина зажмурилась, пытаясь силой выгнать неприятные мысли.

– Я справлюсь! – напредила она себе и почувствовала в руке обнадеживающую шершавость оранжевого листа.

Дни проходили за днями, и вот уже лил за окном начинающийся ноябрь. Пару недель назад Марина, терзаемая голосом совести относительно приятного решения, попыталась поговорить с Сергеем.

Однако, они поссорились еще даже не дойдя до подготовленной Мариной темы. Она хотела признаться Сергею, что не любит его и единственным верным решением будет разойтись, когда настанет пора переезда из служебной квартиры. Марина не знала, с чего начать разговор, поэтому поинтересовалась, когда Сергей выдаст ей денег на питание и оплату счетов. Мужина очень удивился вопросу, ответив, что Марина теперь работает, а он делает ремонт в их квартире. Разразился скандал. Марина даже сказала Сергею, что не собирается переезжать с ним, но он не поверил, полагая, что подобные слова – не более, чем очередные страшилки Марины. Разговор закончился уходом Сергея и громко хлопнувшей дверью.

Марина сидела в учительском кресле и смотрела на струйки дождя по окну. Взгляд ее был таким же мутным, как и давно немытое стекло. Она не понимала, как устроить дальнейшую жизнь. Ее тяготила неопределенность с Сергеем: на ее взгляд было бы честно обсудить с ним все открыто. Однако, как подступиться к этому разговору – она не понимала. Да и честность с открытостью плохо работают одно-сторонне. А Сергей был способен хоть на какую-то искренность лишь нетрезвым...

И тут Марину озарило! Надо его подпоить и тогда разговор может и получится!

Взгляд женщины немного прояснился. Находка решения успокоила ее и перенесла мысли в финансовую плоскость.

Этот вопрос волновал Марину ничуть не меньше. Она узнала приблизительную стоимость аренды жилья на конечных станциях метро по городу. И подсчитала, что за вычетом этих денег у нее остаются крохи, которых едва хватит на самый неприхотливый быт. А ведь Алисе надо покупать одежду, обувь... Да и самой Марине тоже.

– Ладно, как-нибудь прорвемся! – сказала сама себе Марина, – в конце концов, отец-то у девочки есть, а с собой я разберусь!

С этой мыслью Марина сложила вещи в сумку и пошла к выходу из класса.

– Марина Викторовна, добрый вечер! – Вячеслав Анатольевич шел бодрым шагом навстречу Марине.

– Здравствуйте, – улыбнулась она.

– Я как раз к Вам шел! Знаете, а у меня все еще нет Вашего телефона, – Вячеслав Анатольевич как-то по-детски взъерошил свои влажные темные волосы, – то есть, есть, конечно, в личном деле... Но ведь Вы сами не его не давали, поэтому я...

– Поэтому Вы идете под дождем в здание младшей школы, чтобы мне что-то сказать, – засмеялась Марина.

– В любом случае, это интереснее, чем рыться в личном деле, – тоже засмеялся Вячеслав Анатольевич, – хотел Вам предложение интересное сделать... Вы не пугайтесь!

– Я и не пугаюсь, – прищурилась Марина, кардинал Фран-

ции не предложит мне ничего плохого или недостойного³.

– Чего? – вырвалось у директора.

– О, не обращайтесь внимания, – замотала головой Марина, – это из фильма.

– Трех мушкетеров любите? – улыбнулся Вячеслав Анатольевич, – хороший фильм. Вы домой? Я могу Вас подвезти.

– О, нет, спасибо, я боюсь мотоциклов! – Марина с ужасом посмотрела на директора.

Вячеслав Анатольевич громко рассмеялся:

– Как мне нравится Ваша непосредственность. Нет, мотосезон лично для меня уже закрыт. Я на машине. И, как Вы помните, езжу мимо Вашего дома, так что нам по пути.

– О, раз так... – Марина растерялась.

– Одевайтесь! У Вас зонтик есть?

– Да.

– Хорошо. А то у меня нет, – Вячеслав Анатольевич снова засмеялся, а Марина покраснела.

Дойдя до гардероба, Марина надела свое пальто и взяла зонт. Вячеслав Анатольевич уже ждал ее у выхода. Его элегантный вид сильно контрастировал с выдавшим многое за последнее десятилетие пальто Марины. Ей стало не по себе. Но Марина отогнала от себя дурные мысли. Она – начинающая немолодая учительница, он – директор школы. Социальный разрыв очевиден и внешние его проявления не должны смущать Марину. Она гордо подошла к Вячеславу Ана-

³ Фильм А. Данелия «Три мушкетера». Диалог Д Артаньяна и Ришелье.

тольевичу и тот пропустил ее вперед.

– Позвольте, – протянул он руку перед выходом на улицу.

– Эмм, да? – Марина замешкалась, а потом взяла директора под руку.

Вячеслав Анатольевич взглянул на Марину так, что ее бросило сначала в жар, а потом в ледящий холод. Она отдернула руку, но директор уже заливался громким смехом:

– Вообще я зонтик хотел взять, – хохотал он, – но Вы, конечно, можете рассчитывать и на мою руку.

– Ох, ну Вы уж не перегибайте, – Марина пыталась найти и выдать порцию сарказма, чтобы скрыть смущение, – у меня уже есть одна. Она взмахнула правой кистью с обручальным кольцом.

Вячеслав Анатольевич не сразу понял аллюзии на собственные слова, а потом снова рассмеялся.

– Давайте уже сюда Ваш зонтик, – сказал он, раскрывая ярко-красный купол.

Мелкой рысью под струями дождя они добежали до машины директора. Он распахнул перед Мариной дверь, и она неуклюже бухнулась на сиденье. Вячеслав Анатольевич улыбнулся неловкости Марины, захлопнул дверцу, обошел автомобиль и элегантно сел за руль. Марина закатила глаза.

– В чем дело? – поднял брови Вячеслав Анатольевич.

– Не-не-не, все хорошо, – Марина подняла ладони и замотала головой.

– Да конечно, чего Вы тогда глаза закатываете?

– Да потому что Вы такой грациозный, двигаетесь как лань, я рядом с Вами себя чувствую неуклюжей коровкой!

Вячеслав Анатольевич улыбнулся и посмотрел на Марину. Она ожидала в ответ сарказма, шутки, но не согревающего взгляда карих глаз.

– Так вот, – сказал Вячеслав Анатольевич, откашлявшись, – что я хотел Вам предложить. Вы ведь репетируете с детьми, готовите всякие спектакли...

Марине стало намного спокойнее, когда разговор перешел в рабочее русло.

– Ну да. Я ведь обещала ребятам выступление на новогоднем концерте. Мы ставим одну большую сценку и несколько маленьких... А что? – она с вызовом подняла глаза на директора.

– Это замечательно! Только никак не оформлено. Надо создать официальные дополнительные развивающие занятия по... словесности. Или актерскому мастерству – это вы с Олесей решите, – говорил Вячеслав Анатольевич, не отрывая глаз от дороги, – а еще, на сколько я знаю, вы подтягиваете отстающих. Это тоже надо закрепить в расписании и тоже официально оформить.

– Хорошо, – кивнула Марина, – но... зачем?

– Затем, что труд должен быть оплачен, и эти часы увеличат Вашу зарплату.

– Да?! – выпалила Марина: она поверить не могла, что может быть так хорошо. Конечно, она понимала, что всех задач

эти деньги не решат, но сам факт того, что будто мир помогает ей решить ее проблему, одухотворял и дарил надежду.

– Пстойте, – сказала Марина, – а это законно?

– Кардинал Франции не предложит Вам ничего плохого или недостойного, – процитировал директор, – конечно, это законно. Родители официально запишут детей на эти занятия.

– И им придется платить? Но тогда некоторые не смогут. Нет-нет, я так не хочу! Пусть лучше все остается, как есть, – сказала Марина, прощаясь с промелькнувшей надеждой.

– Да нет же, никакие родители ничего платить не будут, финансирование будет из бюджета. Для детей эти занятия останутся бесплатными. Вам, правда, придется заполнять некоторые бумаги – сами понимаете, отчетность...

– Из бюджета? – перебила Марина, – я ведь не профессионал в актерстве, вообще никак к нему не отношусь! Я не могу у государства брать за это деньги!

Теперь глаза закатил Вячеслав Анатольевич:

– Но ведь Вас Ваш непрофессионализм не остановил от постановки с детьми сценки на день Учителя. И, кстати, хочу заметить, прекрасной сценки.

– Да, но...

– К вам зайдет Олеся на днях и вы с ней решите эти вопросы, – Вячеслав Анатольевич остановил машину напротив подъезда Марины и посмотрел на нее.

– Я так не могу... – сказала Марина, глядя перед собой.

– Как «так»? Вы делаете что-то – получаете за это зарплату. Если Вы считаете, что за Ваши занятия стыдно брать деньги – тогда и не ведите их!

Марина перевела взгляд на директора:

– Но я обещала детям, что они выступят на новогоднем концерте!

– Оооо, что ж такое! – Вячеслав Анатольевич всплеснул руками, – Марина, Вы прекрасно справляетесь с Вашим мини-театром! Если Вы делаете что-то, то Вы за это получаете зарплату. Если Вам кажется, что зарплату Вы не заслужили, потому что делаете плохо – то просто не делайте этого.

Так Вам понятнее? И, если что, я считаю, что Вы делаете хорошо. Иначе я бы не согласился оформить Ваши занятия в официальный кружок. А что касается допзанятий по предметам – они стоят у всех учителей, кроме Вас. В бюджете такие занятия заложены изначально.

– Я поняла, – тихо сказала Марина.

– Отлично, – Вячеслав Анатольевич взмахнул руками и снова положил их на руль.

– Спасибо, что подвезли и... хороших выходных!

– Ах, да... праздники же... Спасибо! И Вам! – Вячеслав Анатольевич хотел выйти из машины, чтоб открыть Марине дверь. Но она проворно выскочила из автомобиля и уже была у своего подъезда. Помахала рукой директору и скрылась за дверью.

– Что-то ты какая-то сухая, – усмехнулась Алиса, вышедшая из ванны, – для человека без зонта.

– Айй! Зонт забыла! – Марина хлопнула себя по лбу.

– В такси что ль ехала?

– Нет, директор подвез.

– Оооо, вот это такси! – протянула Алиса, – нас уже директор подвозит.

– Ему надо было обсудить рабочие вопросы.

– И поэтому он повез тебя домой? – Алиса подняла бровь.

– Ему по пути, он и так мимо нашего дома ездит. Он мне сказал, что надо будет официально оформить мои занятия по театру и по дополнительным с отстающими. Будет прибавка к зарплате.

– Ааа, так значит, учителя за нас, дебилов, деньги получают?

– Почему дебилов? За тех, кто не понял тему или отсутствовал! А что, это плохо? – спросила Марина.

– Не знаю. Я думала, они ради наших знаний...

– Погоди, а что, получается, если бесплатно, то ради знаний, а если за деньги...

– То для галочки, – закончила Алиса, – именно. Вот. Для галочки. Я еще думала, зачем они нас оставляют, если кажется, что им плевать, понимают люди лучше или нет. Теперь понятно.

– Ты знаешь, какая зарплата у учителя? Чистая? Без всяких там надбавок? Думаешь, на нее реально прожить? И ес-

ли они так и так остаются дополнительно заниматься, то почему это не оплачивать?

– Потому что если бы им не платили, они бы и не оставались. И, честно тебе скажу, ничего бы не поменялось!

Марина не знала, что ответить. Она переоделась и пошла на кухню готовить ужин.

– Мам, меня завтра Светка в гости пригласила. Я схожу? – Алиса показала на пороге кухни.

– Ну, да. сходи. Домой к восьми.

Алиса закатила глаза.

– И ни минутой позже. Я помню, мам. А мы когда добавим еще хоть десять минут к этому графику?

– Они тебя спасут? – подняла брови Марина.

– Ну, тебя же они, по всей видимости, спасают? И вообще, хочется какой-то прогресс наблюдать.

– Может, с декабря. Если не будет опозданий в ноябре, – сказала Марина.

– Аллилуйя, свобода обрушится на меня метелью декабря, – Алиса картинно вскинула руки.

– Иди уроки делай! Завтра утром проверю!

– Ты еще у себя не напроверялась? Или тебе у третьего класса не интересно? – Алиса сощурилась.

– Все, иди уже, – засмеялась Марина.

Алиса высунула язык и ушла к себе.

Так. Я хотела поговорить с Сергеем, – вспомнила Марина

и нехотя пошла за телефоном. Она набирала номер три раза. Сергей так и не ответил.

За ужином Марина спросила у Алисы:

– Ты думаешь о переезде?

– Нет. Не хочу.

– Но он будет.

– И что? Это не та тема, о которой хочется думать.

– А вот я думаю, – Марина решила, что стоит сообщить о своих планах Алисе, – и думаю о том, что...

Послышалась мелодия звонка телефона.

– О, это наверно, папа, – сказала Марина и вышла из кухни в комнату.

– Ты звонила? – послышался в трубке голос Сергея.

– Ммм... да... я хотела с тобой встретиться.

– Когда?

– Ну вот, на этих выходных. Они длинные. Может, найдешь время, приедешь?

– Хорошо, я подумаю.

– Ты Алису когда видел последний раз? – Марина чувствовала, что от разговора с Сергеем в ней закипают злость и обиды, – ты вообще помнишь, что у тебя есть дочь?

– А ты помнишь? Или у тебя теперь новые дети? – язык Сергея слегка заплетался.

– Ты что, пьян? – Марина ощутила всем телом, как хочется кричать на Сергея.

– Пива выпил.

– Нам надо поговорить, – Марина сделала глубоки вдох, стараясь подавить нарастающее желание выкрикивать гадости.

– О чем?

– О нас!

– О нааас? – протянул Сергей, – а у нас что, есть какое-то «мы»? Что-то я его не замечаю.

– Об этом я и хотела поговорить. Когда ты сможешь приехать?

– Я не знаю. Можешь так сказать, что тебе надо.

Марина едва сдерживалась, чтобы не выпалить «я с тобой развожусь!», а слово «козел» уже сформировалось на языке и рвалось в бой. Марина сделала усилие и подумала. Она обзывала его и козлом, и иными копытными, но это никак не улучшило их брак. Марина приняла решение: уйти. Но ведь нельзя же этого делать за спиной. Это *неправильно!* Марина считала, что обязана поговорить с Сергеем. Она прожила с этим человеком всю свою взрослую жизнь. Невозможно полжизни оборвать безмолвным трусливым уходом. И потом – а вдруг у них есть шанс?

– Я бы не хотела по телефону. Давай, ты приедешь?

– Ладно. Я подумаю. Может быть, завтра.

– Хорошо, давай завтра утром созвонимся?

– Да, все, мне пора, – Сергей повесил трубку.

Марине захотелось в душ. По дороге в ванну она заглянула на кухню:

– Алиса!! – закричала мать.

– Да?

– Иди сюда!! Сейчас же!

Алиса показалась на кухне.

– Это что? – Марина показала рукой на не убранную посуду на столе, – это так сложно, да? Так упахалась за день, что не можешь тарелку свою хотя бы до раковины донести, да? Я уж молчу о том, чтоб помыть – этот высший пилотаж тебе недоступен!

Алиса молча подошла к столу, взяла свою тарелку, вымыла ее и поставила в шкаф.

– Довольна? – повернулась она к матери.

– А сразу нельзя? Только после того, как наорешь на тебя?

– Ты всю жизнь посуду раз в неделю мыла, а теперь из-за одной тарелки орешь как резаная, – сказала Алиса, уходя к себе.

Марине захотелось в душ еще сильнее. Помимо слепой злости на Сергея добавилось еще чувство вины перед Алисой.

Сколько времени она проела в ванной, Марина не знала: вода теплой влагой стекала по коже, пытаюсь смыть налипшие чувства собственной неправоты, обиды, неприязни, злости. Марина очнулась от стука в дверь:

– Мааам, у тебя телефон уже минут двадцать разрывается! Какой-то незнакомый номер.

– Сейчас выйду! – крикнула Марина и закрыла воду.

Наскоро вытершись и запахнувшись в халат, Марина выбежала из ванной и взяла телефон. Шесть пропущенных. Номер и правда незнаком. «Может, это Вячеслав Анатольевич?» – пронеслось в голове у Марины, и она нажала на кнопку вызова.

– Але, – раздался женский голос поле третьего гудка.

– Вы мне звонили, – сказала Марина.

– Да. Звонила. И хотела попросить отстать уже от человека, – Марине показалось, что обладательница незнакомого голоса не трезва.

– От какого человека? – сморщилась Марина.

– Ты прекрасно понимаешь, о ком я! – голос сорвался на крик.

– Не очень, – в этот момент у Марины в голове пронеслась ужаснувшая ее мысль, что она говорит с женой директора. Она ведь забыла зонт у него в машине! Что могла подумать его супруга?

– Погодите! – начала оправдываться Марина, – я думаю, Вы не совсем правильно поняли...

– Что я неправильно поняла? Ты ему не интересна, понимаешь?

– Конечно, понимаю, – пролепетала Марина, – было бы странно, если было бы иначе.

– А чего тебе надо тогда от него постоянно? Чего ты прилипла к нему?

– Да я не прилипла... мы очень-очень редко с ним видим-

ся! Просто сегодня... – начала Марина.

– Сегодня скучно стало? Не охота на праздниках одной оставаться? Да ты знаешь вообще, на сколько сильно ему не хочется завтра с тобой встречаться?

У Марины внутри как-то все очень сильно сжалось и скатилось вниз, потерявшись в районе желудка. Так это не о директоре речь идет... Марина никак не могла нащупать в голове образ Сергея, чтобы хоть как-то связать его вот с этим голосом и всем тем, о чем он говорит. Она ни разу всерьез не думала о том, что у ее мужа может быть какая-то другая, осязаемая женщина. Да, отношения у них с Сергеем паршивые. Но пока они муж и жена... Марина не могла в своей голове закончить обрывки мелькающих мыслей.

– Что, дошло наконец? – Марина вспомнила, что все еще держит телефон возле уха и разговор еще не закончился.

– Да, многое дошло, – Марина переменила тон, – как Вас зовут?

– Это не важно.

– Вам, скорее всего, не важно, а мне может пригодиться.

Представьтесь.

Послышались гудки. Голос исчез.

Марина молча положила телефон на столик у прихожей и перевела взгляд на свое отражение в зеркале. Она ничего не видела. Лишь смотрела стеклянным взглядом перед собой.

Марина пыталась сфокусироваться хоть на одной мысли в своей голове, но они тотчас таяли, как только лучик созна-

ния освещал их. Марина продолжала стоять в оцепенении перед зеркалом, вцепившись в крохотную столешницу, пытаясь удержать куда-то стремительно уносящуюся из-под ног землю.

– Мааам, уже третий раз мимо прохожу, ты чего на себя уставилась?

Марина вздрогнула. Глаза обрели фокус, скользнули по Алисе... И тут на Марину обрушился шквал мыслей. Оглушительных, неистовых. Марина схватила голову руками.

– Прическу что ль подбираешь? – Алиса подняла бровь.

– А... да, – мать посмотрела на дочь ошалелыми глазами, – да.

Марина вошла в комнату и села на диван.

– Я в ванну! Надолго! – раздался окрик Алисы.

Марина сидела на диване, погрузив руки в волосы. В глазах застыл ужас. «Он мне изменяет! С какой-то хабалкой! Вот как объясняется этот затянувшийся ремонт, высасывающий все деньги! А я еще переживала, как сказать ему, что я ухожу! Изменяет! У него другая женщина!» – мысль о сопернице душила Марину. Она ловила ртом воздух, безрезультатно силясь наконец вдохнуть полной грудью. «Как он мог? Как мог предать меня?».

Сердце Марины то замирало, то издавало оглушительные удары, раздававшиеся у нее в ушах.

Она встала и пошла на кухню. Начала мыть посуду. Тарел-

ка вылетела у нее из рук, когда Марина потянулась к шкафчику. Она будто не заметила, как с грохотом разлетелись осколки, и принялась мыть следующую тарелку. Та разбилась прямо в раковине. Марина выключила воду и села за стол.

«Надо что-то делать!» – Марина судорожно кинулась к столу в прихожей, схватила телефон и начала звонить Сергею.

Один гудок, второй, третий... Будто по вечность каждый. Марина набирала номер мужа снова и снова, но Сергей не отвечал.

– Мам, что происходит? – Алиса с полотенцем на голове перевела взгляд с разбитых тарелок на мать.

– Ничего. Потом.

– Может, объяснишь? Никто не умер? На тебе лица нет!

– Нет. Все живы.

«Пока», – хотела добавить Марина, но сдержалась. Она смотрела сквозь Алису, которая собрала осколки с пола и выбросила в ведро.

– Ладно, я к себе, – все еще пристально глядя на мать, сказала Алиса, – но в общем, твой новый подход к мытью посуды мне нравится.

Марина не смогла отреагировать на шутку и молча направилась выгребать осколки из раковины.

С грохотом отправив куски тарелок в ведро, Марина снова схватила телефон и написала сообщение: «Чтобы завтра

был! Не приедешь, приеду сама и разнесу всю твою квартиру и весь твой ремонт!»

Марине даже стало немного легче, когда она нажала на кнопку «отправить». После этого ей захотелось рассказать все Алисе. Чтобы дочь узнала, какой козел ее отец, как он предал их. Марина направилась к шкафу. Но, заглянув за него, увидела, что Алиса уже спит.

«Именно сегодня так рано», – подумала Марина и перевела взгляд на часы: шел уже первый час ночи.

Марина легла на диван прямо в халате, достав лишь подушку. Каждый раз, оказываясь лишь на самой поверхности сна, Марина в ужасе открывала глаза. Несколько раз она проверяла телефон: нет ли ответа от Сергея. Снова пыталась уснуть. Но мысль об измене мужа вырывала ее из забытья сна, бросая в липкую реальность предательства. Заснуть Марина так и не смогла.

За окном начало светать, когда Марина, устав вертеться с боку на бок, отправилась на кухню. Она заварила чай и села напротив кружки. Пиликнул телефон. «Приеду сегодня в 16» – прочитала Марина.

«Может, это какая-то ошибка, – подумала она, – может, это и не любовница? С чего я взяла, то это любовница?». Марина сделала глоток обжигающего чая.

– Кого я обманываю! – воскликнула женщина и подперла рукой лоб. Просидев так, глядя в пустоту, она снова поднесла чашку к губам. Чай остыл. Марина вылила жидкость в ра-

ковину. Достала новый пакетик и залила водой из чайника.

– Тут тоже холодная, – вздохнула она.

Марина пила уже четвертую кружку, когда в кухне появилась Алиса:

– Привет!

– Привет! – ответила Марина, – сегодня в четыре часа папа приедет. Ты когда уходишь?

– Я в двенадцать уже у Светки должна быть, так что передай ему от меня привет. Или он ночевать останется?

– Вряд ли, – ответила Марина, – или... не знаю.

– Высокие отношения, – усмехнулась Алиса и вытащила из холодильника йогурт.

– Да нет у нас отношений. Я вообще думаю с ним развестись!

– Да, я помню. Последний раз летом к бабушке собиралась ехать.

– Я серьезно!

– А тогда не серьезно?

– Я думаю, что у отца кто-то есть.

– С чего ты взяла?

– Мне так кажется, – уклончиво ответила Марина, – в любом случае, я думаю, что мне не стоит переезжать в новую квартиру. Да и тебе тоже.

– Почему мне тоже? У меня там наконец своя комната будет! А не зашкафье!

– То есть если я отцом разойдусь, ты все равно к нему

поедешь жить только потому, что там у тебя будет отдельная комната? – Марина с ужасом смотрела на дочь. Ей и в голову не приходило, что решение Алиса может принять исходя из количества комнат.

– Мам, вы с ним расходитесь постоянно. Давай вы там сначала между собой разберетесь, – Алиса доела йогурт, выбросила баночку и вышла из кухни.

Алиса уже ушла, когда Марина почувствовала накаты-вающую усталость. Она посмотрела на часы: можно успеть немного поспать до прихода Сергея.

– Ты меня звала, чтобы я смотрел, как ты спишь? – Марина вскочила.

Голос Сергея для нее теперь звучал иначе. Впервые за долгие годы, увидев мужа, она испытывала волнение. «Он был с другой женой!» – пульсировало у Марины в голове.

– Я плохо спала ночью, не заметила, как уснула.

– Алиса где?

– Она у Светы.

– Это она тебе такказала?

– Ну, да... – Марина почувствовала сомнение в искренности Алисы.

– Я понял.

– Я могу позвонить Оксане, маме Светы...

– Во сколько она должна прийти?

– В восемь... Она, кстати, просила послаблений. Я ей обе-

щала добавить в декабре минут десять-пятнадцать...

– Куда добавить?

– К комендантскому часу.

Сергей молчал.

– Мне вчера ночью звонила какая-то женщина, – Марина посмотрела на Сергея.

– И что?

– Она говорила про тебя, – руки предательски затряслись.

– Что говорила?

– Что я тебя достала.

– И поэтому ты мне прислала это истеричное сообщение?

– Да. Поэтому! У тебя другая женщина?

– В каком плане?

– Сергей! – Марина почти кричала, – мне звонила какая-то твоя баба и говорила, чтобы я от тебя отстала! Ты понимаешь?!

– А я тут при чем? – спросил Сергей, – что поесть есть?

– По-есть? – по слогам спросила Марина, – ты слышишь, о чем я тебе говорю?

– Да, у тебя вечно про баб какие-то мыли. Теперь вот они тебе звонить начали, — Сергей пошел к холодильнику. Марина последовала за ним, схватив телефон.

– Вот! НА! Полюбуйся, – она сунула ему под нос уведомление о количестве звонков, – посмотри, сколько раз названивали! Ничего не хочешь мне сказать?

– Нет, – ответил Сергей, – и сунул в микроволновку ку-

рицу из холодильника.

– Это вообще-то нам с Алисой на ужин! – выпалила Марина.

– А я тут не живу, да? Мне тут же даже поесть нельзя?

– А ты когда последний раз деньги на продукты оставлял? Понятно теперь, все на баб спускаешь! Чтобы сегодня оставил! Понял меня?

– У меня нет с собой, – пожал плечами Сергей.

– А я найду! Поковыряюсь в твоей сумке. Или вон, в пиджаке! Что найду – то мое, да?

– Если и найдешь, то не мои.

– Ах воот как! Значит, оставишь не свои, а потом туда доложишь!

– Ладно, – неожиданно сдался Сергей.

– И Алисе нужна куртка, – Марина решила дожимать то, что сжимается.

– Я понял.

Сергей взял пульт и включил телевизор.

Марина вышла в комнату. Она не понимала, как разговор перешел на деньги. Ведь она собиралась обсудить совершенно иное! Она должна выяснить все про эту звонившую ей в ночи женщину! Марина вернулась на кухню, взяла пульт и выключила телевизор.

– Кто. Мне. Звонил?

– Я не знаю, – ответил Сергей. Марина услышала подтон неуверенности.

– Знаешь! – Марина выжидающе смотрела на Сергея.

– Я могу только предположить.

– Нет. Ты можешь забить номер в своем телефоне и мне ответить.

Сергей мельком посмотрел на Марину. Она глядела на него прямо, не отводя глаз.

– Я жду! Давай свой телефон!

– Хорошо, диктуй номер, – Сергей откинулся на стуле и достал телефон, что-то в нем быстро понажимав. Марина продиктовала цифры.

– У меня такого нет, – развел руками Сергей.

– Дай, я сама попробую! – Марина выхватила телефон из рук Сергея и стала нажимать на кнопки. Марина набрала номер и нажала на кнопку вызова. Через пару мгновений Сергей ловко забрал телефон назад.

– Убедилась, что у меня нет такого номера? – Сергей спешно нажал на кнопку сброса и спрятал телефон в задний карман джинс.

– А чего ты так резко его забрал? – Марина хоть и чувствовала некий подвох, все же подсознательно отказывалась фокусировать на этом внимание.

– Потому что не люблю, когда по моему телефону шарятся. Увидишь сообщение от Семенчикова, не так поймешь и все. Хана. Опять бабы будут мерещиться.

– Но мне действительно звонила какая-то женщина!

– И что? Она меня по имени называла?

– Мм... нет, – ответила Марина.

– Ну так а я-то тут при чем?

Марина ошарашенно смотрела перед собой и удивлялась накатывающей легкости. Как легко и просто все изменилось. Ведь эта женщина могла просто ошибиться и даже не знать Сергея. «Но как же ее слова про встречу завтра? Откуда она знала? С другой стороны, сейчас праздники и многие встречаются», – у Марины в голове снова несся вихрь мыслей, но поток этот был легче, чем днем раньше. Она даже улыбнулась.

– Во сколько Алиса придет?

– В восемь. А что?

Сергей подошел к Марине и провел рукой по ее спине, опускаясь ниже.

Марина с удивлением поняла, что не ощущает жгучей неприязни, как раньше. Удовольствия она, правда, тоже не испытывала. Он рывком развязал кушак ее халата и сжал обнажившуюся грудь. Впился губами в сосок, спешно растягивая на себе джинсы. Повернул Марину к столу и спустил ее трусы. Его руки вернулись к соскам, он щипал их, мял, дергал, сжимал всю грудь. Потом он схватил руку Марины и ее ладонью обхватил свой начинающий твердеть член. Марина от неожиданности хотела одернуть пальцы, но Сергей не дал ей этого сделать, наоборот, сжав крепче ее ладонь, принялся водить ее рукой вверх-вниз. Наконец, он вошел в нее и,

тяжело дыша, схватил ее бедра. Марина принимала ритмичные толчки, уставившись в стол. Через несколько минут все кончилось. Сергей застегнул джинсы и пошел в комнату к дивану.

– Прилягу-ка я, – сказал он и принялся стелить постель..

Алиса уже спала, Сергей тоже храпел на разобранном и застеленном диване, а Марина сидела на кухне. Дергая за ниточку чайного пакетика, она вела внутренний диалог.

«Ну да, я решила, что надо разводиться и начинать новую жизнь. Но вроде то, что сегодня произошло... не было так уж сильно неприятно. И потом Алиса... – Марина поджала губы, – отдельная комната! Тоже мне! Ради комнаты готова мать бросить! Если она со мной не поедет? Вот же ж.... Я всю жизнь на нее положила! Водила ее везде за ручку! Своей ни карьеры, ни жизни! А ей комнату подавай или не поеду!»

Марина швырнула пакетик в раковину.

«Но ведь бывает такое, что отношения заново разжигаются! Может, у нас с Сергеем может получиться? Все-таки столько лет...» – Марина мусолила все эти мысли до глубокой ночи. Когда глаза уже начали слипаться, она погасила свет и легла спать рядом с Сергеем.

– Можешь маме Светы позвонить, проверить!!!

Марина проснулась от громких голосов, доносящихся из кухни. Поспешно встав с постели и накинув халат, она шагнула на кухню.

– Что тут за крики у вас?

– Папа не верит, что я у Светы была! Позвони тете Оксане! Пусть она подтвердит!

– Я не говорил, что я не верю. Я сказал, что ты не всегда правду говоришь.

– Так это одно и то же! Короче! Думай, что хочешь! – Алиса выбежала из кухни.

Марина поставила кипятиться чайник:

– Ты чего к ней придираешься?

– Я ее в тонусе держу. Тебе было мало походов по охранникам? Еще хочешь?

– Ну, на самом деле особо ничего не произошло: ну, познакомились девочки в парке с охранниками...

– Им по пятнадцать лет! А охранникам около двадцати! Как ты думаешь, что этим мужикам от них надо было? Не в кино ходить и не про школу разговаривать.

Марина опустила глаза. На происшествие весной она сначала не обратила внимания, но потом и Сергей, и даже ее бабушка убедили ее в ужасе поступка девочек. Хорошо, что Сергей увидел их и все было пресечено. Сергей тогда обвинил Марину, что она не следит за дочерью. А Марина не знала, как именно она должна оберегать девочку от мира: тайно следить за ней или запереть дочь дома?

Сейчас Марине не хотелось дальше обсуждать тему прогулок Алисы, и она поинтересовалась планами Сергея.

– В квартиру сейчас поеду. А сначала в строительный.

– Ты, кстати, денег хотел оставить, – напомнила Марина.

– Да, я помню.

Сергей подошел столику в прихожей, сунул в выдвижной ящик деньги и начал одеваться.

– Ты уже уезжаешь?

– Да, дел много. Все, я пошел, – Сергей махнул рукой и скрылся за дверью.

– Пока... – сказала Марина больше двери, чем Сергею.

Длинные выходные прошли в уборке, поездках по магазинам и школьных делах Марины и Алисы. Одна готовилась к урокам, вторая готовила уроки. Сергей больше не появлялся.

– Мам, а почему ты с папой не едешь ремонт делать? – однажды спросила Алиса.

– Эмм... нуу... – Марина не знала, где кончается возможная откровенность, – мы с папой не смогли найти общий язык в решении ремонтных вопросов.

– Короче, он не стал делать, как ты сказала.

– Нет! Он не прислушивался к моему мнению. Да и бабушка твоя всем там заправляет. Куда уж мне...

– А чего ты так бабушку не любишь? – Алиса подняла

брови.

– А я и не должна ее любить! И она не сделала ничего, чтобы я ее полюбила!

– Ну, понятно, – Алиса почувствовала, как мать начинает злиться и поспешила улизнуть с кухни под предлогом сбора учебников-тетрадок к завтрашнему учебному дню.

– Марина Викторовна, зайдите сегодня ко мне после Ваших уроков, – сказала Олеся Владимировна, встретив Марину в столовой.

– Хорошо, – кивнула Марина и села за стол рядом с Ниной Александровной.

– Как отдохнула, Мариш? – спросила коллега.

– Да вроде нормально, – сказала Марина, – Нина Александровна, а Вы оформляете дополнительные занятия официально?

– Конечно! А как иначе? – удивилась учительница.

– Не знаю... Мне кажется, это как-то... не знаю, как объяснить.

– Тебе стыдно что ль? – Нина Александровна привыкла называть вещи своими именами и не искать удобных слов, – так ты замужняя, все ясно. А ты попробуй одна прожить на даже мою голую зарплату заслуженного учителя без всяких надбавок, да еще и детям помочь! Ты что думаешь, если человек еле сводит концы с концами, он хорошим преподава-

телем будет? Ты эти мысли брось! Знаю я таких, денег бо-
ются всю жизнь и так всю жизнь и голодают! Вот, сын у ме-
ня. Красный диплом лучшего ВУЗа, уже мужчина взрослый.
А весь такой правильный, бесплатно всем все делает! Ему в
исследовательском центре уже на шею сели. Остается сверх-
урочно – начальство знает, что он за идею, и даже уже и не
думает ему сверхурочные платить! И так во всем! Кому с
диссертацией помочь, кому с докторской – все бесплатно.
Безотказный! Только сам гол как сокол. Семьи нет, ушла же-
на от него. И я ее понимаю: какая женщина согласится быть
с мужиком безденежным?

– Так разве деньги – главное?

Нина Александровна посмотрела на Марину:

– Конечно, не главное. Только без денег ничего и не бу-
дет. Создать ничего не получится. Деньги – это как смесь
для кирпичей. Без этой смеси дом развалится. Вот деньги
так и работают. Вот хочешь ты, к примеру, корабль постро-
ить? Что тебе понадобится? Сырье, материалы, сила рабочая
квалифицированная и – деньги. Без денег ни один строитель
и пальцем не шевельнет!

– Ну так мы ведь про отношения. Про любовь. Любви не
нужны деньги.

– Ой, Мариша... Сорок лет, а все в рай шалашный ве-
ришь! Смотри, полюбили двое друг друга, семью создали,
женщина забеременела. Родила. А у мужика денег нет. Что
ей, только родившей, с дитем делать? Откуда еду брать,

одежду? И что она его так дальше любить будет? Прямо вот скажет: «Давай, дорогой, квартиру продадим, можем и в шалаше жить. А на деньги от квартиры еду будем покупать. А как деньги выйдут – что-нибудь образуется.» Так?

– Ну, Вы преувеличиваете, – сказала Марина, – есть же родственники, они должны помогать в трудный момент...

– Должны? – перебила Нина Александровна, – престарелая мать должна помогать своему взрослому сыну? Должна? Это он меня должен содержать! Что б я еще думала: работать мне или сидеть отдыхать на мизерной пенсии, зная, что у меня есть сын, который обо мне позаботится. Вот, как быть должно. А я что? Пашу тут всеми днями и ползарплаты сыну отдаю. А не станет меня, что с ним будет? Могу я умереть спокойно? Нет. Потому что меня не будет и все. Ну продаст он квартиру мою. Или свою. Деньги выйдут. А дальше-то что? На улице окажется. Тьфу! – Нина Александровна стукнула ладонью по столу и отвернулась к своей тарелке.

– Ой, пора уже мне! – воскликнула Марина и побежала убирать посуду, – давайте Ваши тоже отнесу, – обратилась она к Нине Александровне.

– Уж отнеси, – учительница протянула Марине тарелки и тоже встала из-за стола.

После уроков Марина направилась к завучу. Олеся Владимировна выдала стопку бумаг («Здесь нужные Вам формы и образцы, разберетесь») и рассказала, как отразятся допол-

нительные занятия на заработной плате Марины.

– Ну надо же, – выдохнула Марина.

– Надо же, – повторила Олеся Владимировна, глядя на Марину, – Вячеслав Анатольевич сильно благоволит Вам, Марина Викторовна, уж не знаю, какими такими заслугами Вы этого добились.

– Я не... – начала было Марина.

– Не перебивайте, – отрезала завуч, – я попрошу Вас не злоупотреблять Вашим влиянием на директора, если Вы не хотите для себя проблем.

Олеся Владимировна сухо улыбнулась и занялась своими бумагами, давая понять, что аудиенция окончена.

– Спасибо, Олеся Владимировна, за совет, – сказала Марина, собирая свои документы, – но я хочу Вам сказать, что у меня нет никакого влияния на Вячеслава Анатольевича и понять не могу, откуда Вы это взяли! Мы с ним практически не видимся и крайне редко общаемся. И если общаемся, то, разумеется, исключительно по рабочим вопросам.

Марина встала и направилась к выходу.

– Три раза в неделю театрального кружка – мне этого достаточно для выводов. С учетом того, что взято это из резерва бюджета, – сказала Олеся Владимировна, не поднимая глаз от своих бумаг.

Марина не стала отвечать и вышла из кабинета.

Когда Марина выходила из здания школы, моросил мел-

кий дождь. Она вжала голову в плечи и подумала, что было бы неплохо уже выяснить маршрут автобуса до дома, вместо ежедневной прогулки на сорок пять минут.

– Марина Викторовна, Вам это наверняка пригодится, – над головой Марины раскрылся купол ее собственного зонта, а совсем рядом она увидела улыбающееся лицо директора.

– О спасибо! Простите, я забыла его у Вас в машине, – Марина взяла зонт, нечаянно коснувшись руки директора.

– А я Вам забыл о нем напомнить. У нас с Вами был слишком уж оживленный разговор.

– Да уж... Вячеслав Анатольевич, Олеся Владимировна сегодня мне сказала...

– Не хочу слышать, что она там Вам сказала, – перебил директор, – во-первых, потому что я не люблю сплетен...

– Нет-нет, я вовсе не собиралась сплетничать, – глаза Марны округлились.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся директор, – а во-вторых, я приблизительно представляю, что она Вам сказала. Это ее работа. Соотносить мои желания и реальность с учетом многих факторов.

– Да, но... боюсь, она не совсем верно истолковала причину...

– А вот это уже ее личное дело. Нам всегда крайне необходима мотивация человека, зачем он совершает то или иное действие. И если мотивацию нам не сообщают или если она

не удовлетворяет – человек придумывает себе причины поступков других людей сам. И, надо сказать, они не всегда соответствуют действительности.

Марина почувствовала, как с души падает тяжелый камень и улыбнулась директору.

– Ну, я вижу, Вы успокоились, – засмеялся директор, – пойдемте, я Вас подвезу.

– Ой, нет! – отпрыгнула Марина, – я хотела пройтись! Тем более, у меня теперь есть зонт!

Ей казалось неправильным, когда директор возит рядового учителя, пусть им и по пути.

– Как скажете, – сказал Вячеслав Анатольевич и пошел к своей машине.

Близился день рождения Марины. Отмечать она его совсем не хотела: цифра для праздника ее не радовала. Да и вроде не принято сорок лет отмечать.

В день своего сорокалетия Марина по-обычному оделась, сделала привычный макияж, убрала с неразобранного дивана постель, на которой после той встречи с Сергеем снова спала одна. Оставила на столе завтрак для еще спящей Алисы и ушла на работу.

Войдя в класс, Марина оторопела: на столе красовались два букета, доску украшала растяжка «с днем Рождения», а

по углам висели шарики. Вдруг из-под парт выскочили ее ребята и, громко хлопая в ладоши, начали скандировать «поздравляем!»

Марина зарыла рот руками и почувствовала, как по щекам потекли горячие слезы. Слезы счастья. Внутри что-то переворачивалось. И еще. И еще. Такое сладостное чувство, будто Марина мчалась по мертвой петле.

– Спасибо! – выдохнула Марина, – спасибо вам, ребята! Мне так приятно!

Дети побежали обнимать свою учительницу и наперебой выкрикивали свои пожелания.

После уроков к Марине пришли Нина Александровна и Стелла. Коллеги поздравили, подарили сувениры, и Нина Александровна поинтересовалась:

– Ну, Мариш, отмечать-то будем?

– Отмечать? Ой, нет. Совсем настроения нет, если честно. Да и дата такая – не отмечают же вроде.

– Предрассудки все это, Мариш, но как знаешь. Да ты наверно сегодня с семьей будешь.

– А что муж подарил, а? – глаза и уши Стеллы жаждали информации.

– Еще ничего, – ответила Марина.

– Ах, ну тогда понятно, чего ты не хочешь задерживаться, – Нина Александровна рассмеялась, – за дарами бежишь.

– Ой, девочки... – Марина хотела было поделиться свои-

ми опасениями, что Сергей не только не подарит ей ничего, но даже и не придет. Ее мысли о перезапуске отношений таили с каждым днем отсутствия мужа дома. Но как признаться, что муж живет в другой квартире, что ей звонят какие-то женщины. Марине стало стыдно открывать душу и она бодро выпалила:

– Так, все, бежать мне пора! Спасибо вам большое за поздравление!

– Как же ж тебя родители-то ценят, – сказала Нина Александровна, с умилением разглядывая украшение класса, – это ж наверняка родители приходили вешали! Молодец ты, Мариш! Заслужила!

– Да, и букеты такие красивые, – Стелла стояла возле цветов и незаметно для других вынула что-то белое из упаковки одного из букетов.

– Да, цветы надо забрать! Все, девочки, побежала!

– Хорошего вечера тебе и еще раз с днем рождения! – помахали Марине коллеги.

Марина уже подходила к дому, когда услышала в сумке звонок телефона. «Бабушка наверно забыла что-то забыла дорассказать», – Марина вспомнила пару минут назад законченный разговор. Она взглянула на экран. Сергей. Марина нахмурилась: «Неужели он не дома и собирается поздравить меня по телефону?»

– Привет! – раздался в трубке веселый голос Сергея, –

поздравляю тебя с днем Рождения!

– То есть как поздравляешь? – Марина остановилась, – ты что, не дома?

– Неет, – в голосе мужа Марина услышала легкий налет вины, —тут, понимаешь, рабочие у меня накосячили... долго рассказывать. В общем, надо последствия ликвидировать.

– А ничего! А я подожду! Ты расскажи, как они у тебя накосячили! Давай! Очень интересно, что именно тебя побудило наплевать на мой день рождения!

– Да обои тут отвалились...

– И что? Из-за каких-то гребаных обоев ты на меня наплевал? Плевать я хотела на твои обои! У меня день рождения! Быстро все бросил и приехал! Слышал меня? —Марина кричала на всю улицу.

– Я не могу! Все, мне бежать пора, тут они пришли, поздравляю тебя! – Марина сквозь шум машин расслышала голоса на том конце трубки.

– Алло! Алло! Не смей вешать трубку! Алло! – Марина орала в телефон, но на том конце разговор уже закончился. Она опустила руку, в которой держала телефон, сильнее прижала к себе букеты и попыталась сама себя обнять. Ей было холодно. Но не от ноябрьского ветра. Пустота внутри будто растворяла тепло. Марине очень захотелось, чтобы сзади сильные, заботливые руки обняли ее и прижали к себе. Она закрыла глаза и представила себя в объятиях любящего человека, как в уютном теплом домике напротив потрески-

вающего камина. Шум машин исчез. Марина почувствовала разливающееся тепло внутри, приятную тяжесть объятий, услышала треск огня в камине. Она не видела лица мужчины в своей мечте, но чувствовала его силу и заботу. Эти руки защитят от всех невзгод. Марина улыбнулась. Ей было хорошо.

Внезапно раздался вой сирены кареты скоро помощи, Марина распахнула глаза: она так и стоит посреди улицы, где еще минуту назад кричала на Сергея, обнимая сама себя. Марина усмехнулась: «Это мои руки. Это Я должна себя любить. Это Я должна о себе заботиться и защищать от любых невзгод!»

Марина сдвинула брови, откинула разлетевшиеся на ветру волосы и направилась домой.

– С днем Рожденияяя! – протянула Алиса, с улыбкой встречая мать. В руках девочка держала связку разноцветных воздушных шаров, на каждом из которых черным маркером было написано пожелание.

– Спасибо большое, – Марина обняла Алису и принялась читать пожелания, – тааак, чаще улыбаться. Хорошо, будет исполнено! Быть счастливой. Ну, тут не только от меня зависит. Тааак, постричься... Это еще что за пожелание такое?

– Ну мааам, ну ты прям вот как училка-училка ходишь. То со своим хвостом до пояса, то с пучком.

– Я не могу с распущенными волосами на работу ходить! –

возразила Марина.

– С такими как сейчас – это точно! Не надо! А если их укоротить и привести в божеский вид и еще перестать красить твоей хной дурацкой...

– Ой, ладно! – Марина махнула рукой в сторону Алисы и пошла ставить цветы в вазы.

– Вот этот букет очень крутой! Это от кого? – Алиса смотрела на микс разных цветов, – такой яркий! Столько оттенков – потрясное сочетание!

– Дети подарили, – ответила Марина.

– А второй от кого?

– Ну, тоже дети подарили.

– Два букета?

– Хмм... да, странно, – Марина пожала плечами, – наверно какой-то ребенок хотел вручить лично, но в последний момент застеснялся.

– Или какой-то тайный поклонник, – Алиса прищурилась.

– Скажешь тоже! Откуда у меня тайные, да и не тайные тоже, поклонники?

– Ага, верно! Сначала постричься надо!

– А ты знаешь разницу между постричься и подстричься?

– Мам, не зудит! – отмахнулась Алиса.

– А это важно, между прочим! Постричься – это как раньше постриг принять у монахинь: кардинально, значит, и коротко. А подстричься – так, концы подравнять. Так ты мне что советуешь? Подстричься или постричься?

– Поооооооостричься, – смеясь, протянула Алиса, – пойдем на кухню, я праздничный ужин приготовила.

– Ого! – изумилась Марина, – удивляй!

И они вдвоем направились к столу.

– Мам, а как ты относишься к тому, что папа не приехал? –

Алиса уже складывала тарелки в раковину.

– Никак не отношусь, – ответила Марина.

– Я бы обиделась. Это ведь неправильно, – начала Алиса.

– Алис, правильно-неправильно, – перебила Марина, – я что могу сделать? Я действительно думала о том, чтобы развестись с ним. Но, извини, дорогая, у меня еще есть ты. Тебя мне куда девать? Тебе вон комната важнее. Ты к нему поедешь!

– Мам, – Алиса оставила тарелки, – а я-то тут при чем?

– Ты с ним хочешь жить?

– Я хочу жить в отдельной комнате, и все, – Алиса развела руками, – но при чем тут это и твое решение о разводе?

– Я не могу тебя с ним оставить!

– Да? Почему это?

Марина не знала, что ответить.

– Это и так должно быть понятно! – воскликнула мать и встала из-за стола – спасибо за ужин! Курица была очень вкусной.

– Пожалуйста, – буркнула Алиса и принялась мыть посуду, – только мне не понятно.

Марина ушла в комнату и разложила на диване свои ма-

териалы к завтрашнему дню.

Марина закончила рабочий день поздно: репетиция годоводних сценок затянулась. Когда дети разошлись, Марина поняла, как сильно устала. Времени не нашлось даже на обед – спас бутерброд, взятый из дома утром. Она собрала сумку и проверила окна. Погасила свет в классе и уже собралась уйти, но тут вспомнила, что хотела взять с собой материалы по литературе и вернулась к столу.

– Здравствуйте, Марина Викторовна, – в дверях класса стоял директор. Голос его звучал непривычно холодно.

– Здравствуйте, Вячеслав Анатольевич, – Марина устало улыбнулась.

– Мне сегодня весь день хотелось Вам задать только один вопрос. «Зачем?» – директор прямо смотрел на Марину, от чего ей стало не по себе. Во мраке класса его глаза блестели, а голос звучал угрожающе. Марина молчала, ожидая продолжения фразы. Тишина кувыркалась во мраке класса. Директор и учительница молчали и смотрели друг на друга. Один с обидой и не пониманием, а другая с нарастающим страхом.

– Вы скажете уже, в чем дело? – дрогнувшим голосом спросила Марина.

– Марина Викторовна, мне жаль, что мое расположение к Вам как к начинающему специалисту вскружило Вам голову. Вероятно, Вам захотелось приобрести уважение среди коллег

– иными причинами я Ваше поведение объяснить себе не могу.

– Да какое поведение? – повысила голос Марина, – что я Вам-то сделала? Я и так стараюсь от Вас подальше держать-ся! Мне намеков Олеси Вашей Владимировны хватило!

– И поэтому Вы решили пожаловаться коллегам о том, что я Вам прохождению не даю и бегая за Вами, как мальчишка?

– Чтоо? – глаза Марины округлились. Сначала от ужаса. Потом Марина почувствовала, как перехватило дыхание. Она вдохнула и посмотрела на директора. А потом она вспомнила свое отражение, что видела летом в зеркальной двери. Вспомнила, что собственному мужу она безразлична настолько, что он даже не приехал ее поздравить с днем рождения. И к ней – к Ней – может быть равнодушен директор?

Марина сначала тихо прыснула в ладошку, а потом начала хохотать, закрыв лицо руками. От смеха потекли слезы, но она не могла остановиться, утирая бегущие по щекам слезы.

– Эмм... Марина, с Вами все в порядке? – Вячеслав Анатольевич подошел ближе.

– Со мной? – давась от смеха, переспросила Марина, – со мной? Со мной-то да. А с Вами что? Или кому вообще пришла в голову такая ересь? Вы за мной бегаете? Вы. За мной! – у Марины снова случился приступ хохота.

– Хмм... А почему Вы смеетесь? – директор, глядя на Марину, против воли тоже слегка улыбнулся.

– Да потому, что это смешно, Вячеслав Анатольевич! Где Вы и где я! С чего Вы это все взяли-то?

– Вот, с этого, Марин, – директор вытащил из кармана серо-синих брюк что-то белое.

– Что это? – растирая слезы по щекам, все еще улыбаясь, спросила Марина.

– Вы не узнаете?

– Эммм... нет... а должна? Позвольте? – Марина аккуратно, стараясь не касаться кончиками пальцев разжатой ладони директора, взяла маленький белый конверт. Открыла его и вытащила маленькую записку. В полумраке класса она прочитала от руки написанные слова: «Это здорово, что Вы есть. С днем Рождения».

– Это что? – подняла глаза на директора Марина. Он промолчал, улыбнувшись одним уголком рта. Марина легка отшатнулась и присела на парту напротив доски. Происхождение букета из микса разных цветов становилось ей понятным. Конечно, когда она их только заметила, рыться в зарослях бутонов ей было некогда. Да и цветы сразу стояли в вазах, не требуя ухода. А вечером она вспомнила, как Стелла стояла возле ее стола. Сейчас Марина была уверена, что в ладони молодой учительницы мелькнуло что-то белое. Но зачем? Зачем директору писать ей записки и дарить цветы, а Стелле воровать эти записки? Да еще и возвращать их директору?

Марина подняла глаза. Вячеслав Анатольевич стоял перед

ней, облокотившись на доску.

– Я не видела этой записки... Простите, я не хотела Вас подставлять... Зачем же Стелла Вам ее отдала?.. но... зачем Вы... зачем эти цветы?

– Отдала мне ее Олеся. А цветы... Вообще-то, у Вас был день Рождения, если Вы не помните, – Вячеслав Анатольевич отошел от доски. Возникло молчание. Марина крутила в руках конверт.

– И потом мне очень нравится, как Вы работаете. И я очень рад, что Вы в нашем коллективе. В нашем преимущественно женском коллективе, – Вячеслав Анатольевич улыбнулся, – есть как плюсы, так и минусы.

– Так это ж... это значит? Про меня теперь будут говорить, что я говорю, что Вы якобы за мной... – Марина закрыла рот рукой, – ойййй... какой позор-то!

Марина закрыла голову руками. Когда это дойдет до родителей детей – что будет? Ее уволят. С позором! За развратное поведение. Воображение Марины разыгралось, и она уже видела, как ее не берут на работу ни в одну школу города, так как всем известно, что она падшая женщина.

– Марина, – вернул женщину к реальности голос директора.

– А? – Марина подняла голову. Директор рассмеялся.

– Вы там что себе напридумывали? У Вас на лице конец света.

– Меня теперь не возьмут на работу ни в одну школу го-

рода, – упавшим голосом сказала Марина.

– Конечно не возьмут, – улыбнулся директор, – у Вас уже есть школа. Зачем Вам еще одна?

– Вы меня не уволите? – Марина с нескрываемым удивлением посмотрела на директора.

– За что? За то, что я подарил Вам цветы? Мне хочется верить, что я не такой самодур.

Марина улыбнулась.

– Да, кстати, спасибо Вам за цветы. Правда, я не знаю, какие из них Ваши.

– В моем букете альстремерии, пионы, орхидеи, ирисы, эустомы и диантусы.

Марина вытаращила глаза.

– Откуда такие познания в ботанике?

– Моя дочь обожает цветы с детства и вечно что-то выращивала. А потом я ей начал дарить цветы, а она мне говорила, как они называются. Их на самом деле не так уж и много, поэтому запомнить не сложно. Единственное, что для меня всегда оставалось непостижимым, так это ее любимый «язык цветов». Вот тут я профан. Она считает, что цветами можно сказать, что угодно. Может, она, конечно, и права.

– Боюсь, даже если и получится составить фразу из букета, вряд ли адресат сможет ее понять, – засмеялась Марина.

– Вот именно, – сказал директор, – все труды насмарку.

Марина снова улыбнулась. Ей было легко и комфортно болтать с Вячеславом Анатольевичем. Она поймала себя на

мысли, что ей совсем не хочется уходить. И очень не хочется, чтобы уходил он.

– Ой, как поздно уже, – Марина испугалась своих мыслей и начала торопливо запихивать в сумку листы бумаги, – мне пора домой!

– Конечно, пойдёмте, я подвезу Вас. О, нет, не пытайтесь возражать, – Вячеслав Анатольевич сделал знак рукой, – я сам Вас задержал. И вот ещё что.

Директор остановился рядом с дверью и повернулся к Марине. Она шла за ним и чуть не врезалась в него.

– Да? – Марина отошла на шаг.

– Простите меня, – Вячеслав Анатольевич смотрел Марине в глаза. Она почувствовала, как в груди закручивается торнадо эмоций и растворяется в горле, выпуская на кожу миллионы мурашек. Марина глубоко вдохнула и пустила взгляд. И снова посмотрела на директора, прищуриваясь.

– Нам всегда очень нужно знать мотивацию человека, а если мотивацию нам не сообщают, – Марина театрально изменила голос, – кое-кто придумывает себе причины поступков других людей сам. И они не всегда соответствуют действительности.

– Ну ладно, ладно Вам! – засмеялся директор, – у Вас, между прочим, все лицо в разводах.

– В каких разводах? Аааах, это ведь тушь растеклась, – Марина шагнула к зеркалу над раковиной у входа в класс.

Она быстро смыла водой со щек остатки туши и поверну-

лась к директору:

– Я готова!

Вячеслав Анатольевич чуть наклонился к Марине и большим пальцем стер с ее левой щеки черную линию. Когда Марина почувствовал его прикосновение, мир вокруг нее сначала замер, а потом закружился так сильно, что земля будто начала уходить из-под ног.

– Спасибо, – кивнула она и вышла из класса.

До гардероба они дошли молча. Вячеслав Анатольевич взял одиноко висящее Марино пальто и помог ей одеться. Марина была словно в тумане. Где-то далеко, на задворках сознания, где еще оставалась частичка объективного восприятия реальности, Марина слышала голос разума, который кричал: «Спасайся! Беги! Ты влюбилась в женатого мужчину!» Но Марина не хотела слушать этот голос. Ей хотелось быть здесь и сейчас. Рядом с Вячеславом Анатольевичем, слушать его голос, смотреть в его глаза и любоваться его улыбкой.

В машине Вячеслав Анатольевич включил радио.

– А Вы какую музыку любите, Марина?

– Джо Дассена. У него голос такой... Мне очень нравится французский язык. Я, правда, на нем совсем не разговариваю, но он звучит так... Как внутрь проникает. Мне нравится Джо Дассен.

– О, вам повезло! У меня есть диск, позвольте, – Вячеслав Анатольевич наклонился к бардачку и достал коробочку с

диском.

Марина смотрела на мелькающие огоньки за окном автомобиля, тихо подпевая любимым песням.

– Спасибо, – сказала Марина, когда машина остановилась у ее подъезда. Укутанная счастьем, будто теплым пледом, она попрощалась и зашла в дом.

На следующий день Марина пришла на работу раньше обычного и первым делом направилась в кабинет Стеллы. Молодой учительницы еще не было, и Марина решила подождать ее у класса.

– Здравствуй, Стелла, – поприветствовала коллегу Марина.

– О, привет! – Стелла пыталась выглядеть непринужденно, но ее бегающие глаза и бледность даже под косметикой скрыть было трудно.

– Нам надо поговорить, как ты понимаешь, – Марина скрестила руки на груди.

– Я сейчас не могу, урок скоро, надо подготовиться...

– Стелла, – Марина подошла к молодой женщине совсем близко, – ты понимаешь вообще, что ты наделала? Ты чего творишь? Зачем?

– Марин... я... я просто записку Олеся Владимировне показала...

– Кому??? Ты совсем сдурела? – шипела Марина в лицо

Стелле, – зачем???

– Просто я видела этот букет у Вячеслава утром, а потом смотрю – он у тебя на столе стоит. А когда еще и записку увидела, ну совсем как в тумане все. Схватила ее, не понимаю, зачем... А потом прочитала, а Олеся – тут как тут. Что это такое, спрашивает. Ну я ей и говорю, мол, директор, он Марине Викторовне записки в цветах шлет. Она конвертик забрала и ушла. Марин, а что случилось? Она тебя уволила? Марин, я не хотела этого, прости, пожалуйста. Не знаю, что на меня нашло, – Стелла всхлипнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.